

The book cover features a stylized illustration. At the top, a person's legs in a green skirt with a white hem are visible. Below, a pair of feet with green-painted toenails stands on a dark blue background with intricate, wavy, topographic-like patterns. In the bottom right corner, there are large, vibrant green leaves and a single white flower with a yellow center.

INSPIRIA

ЛИНДА САУЛЕ
ВОДОМЕРКА

INSPIRIA

Novel. Любовь вне времени

Линда Сауле

Водомерка

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сауле Л.

Водомерка / Л. Сауле — «Эксмо», 2023 — (Novel. Любовь вне времени)

ISBN 978-5-04-177431-8

Когда на туманном побережье Россес-Пойнт находят труп неизвестного мужчины, Сьюзан, ведущая ночных радио эфиров, решает выяснить всю правду о погибшем. Он ей – никто, но память о пропавшем в море отце (океан смыл его с лица земли) не дает покоя. И, может быть, отыскав ответы сейчас, Сьюзан наконец отпустит призраков прошлого, чтобы жить в настоящем и впустить в сердце счастье.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-177431-8

© Сауле Л., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

От автора	6
Часть 1	7
Пролог	7
I	9
II	11
III	16
IV	19
V	22
VI	27
VII	35
VIII	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Линда Сауле Водомерка

памяти мамы

© Сауле Л., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Автор благодарит школу писательского и сценарного мастерства BAND за поддержку и вдохновение.

От автора

История, изложенная в этой книге, основана на реальных фактах. Питер Бергманн – человек, на самом деле найденный 16 июня 2009 года на пляже Россес-Пойнт (Ирландия). До сих пор не известно ни его настоящее имя, ни происхождение, ни род деятельности. На сегодня расследование так и не приблизилось к разгадке.

Несмотря на то, что за основу взята подлинная история, многие описанные в книге события вымышлены либо изменены – из этических соображений и для создания целостной художественной картины. Все совпадения с реальными людьми случайны.

Часть 1

*...И водомеркой по течению
Его разум скользит в тишине...*
Уильям Батлер Йейтс. Водомерка¹

Пролог

– Мой отец был неопытным рыбаком. Я прожила в этой уверенности все свои детские годы. Это ощущение не могло поколебать ни его мастерское обращение с легкомоторкой, ни рыбацкие хитрости, когда он, например, жевал слепых рачков живьем и сплевывал в воду, чтобы привлечь крупную рыбу. Ни то, как он подвешивал свинцовые дробинки для огрузки удочки или раздвигал зевником хищную пасть, чтобы достать крючок.

Очевидно, отец знал свое дело. Но когда он возвращался домой с ведрами, полными рыбы, то не мог назвать ни одну из них. Он называл ее «большим уловом» или «неудачным уловом». Рыбой с красным хребтом или серебристыми боками. Это была либо хвостатая рыба, либо горбатая, мелкая или крупная. Отец приносил в дом ведра, пахнущие водорослями и крилем, и вываливал добычу в глубокую раковину. Спроси его в тот момент, чем он будет ужинать, он бы рассмеялся и пошел к холодильнику за бутылкой пива.

Именно из-за отцовского невежества мне пришлось узнать, чем отличается зубан от сибаса, летучая рыба от форели. Я могла с закрытыми глазами узнать навагу по ударам хвоста о жестяное дно, а минтая – по запаху. Перед тем как мы садились за стол, отец всегда с озорной улыбкой смотрел в мою сторону и просил назвать экземпляр, поджаренный с обеих сторон. И я редко ошибалась.

Спустя годы я поняла, что папа подыгрывал мне. Разумеется, он не был неопытным рыбаком. Наоборот, он не только знал все виды рыб, но где и в какое время года эти виды обитали. Он «заказывал» у океана свой улов и, отходя от берега, почти наверняка знал, с чем вернется. Он, просто прикидываясь простаком, заставлял меня ощущать превосходство дочери над родителем – уж не знаю, по какой причине. Возможно, так он тешил мое самолюбие, а может, просто забавлялся этой игрой. Так или иначе, он поддерживал огонь моего интереса, хотел, чтобы я бежала встречать его у порога и заглядывала в глаза, уверенная, что он и впрямь не способен отличить сельдь от лаврака.

– В каком возрасте вы поняли, что отец подыгрывает вам?

– Я думаю, это случилось после его смерти, наверное, два или три года спустя. Мне было пятнадцать.

– Что дало вам это открытие?

– Само по себе ничего. Но с момента его смерти что-то изменилось. Мы не перестали есть рыбу, нет. Но рыба стала другой. Она стала просто... рыбой. Теперь не нужно было угадывать ее название, мне не перед кем стало блистать своими знаниями, мать больше не удивлялась тому, как много я помню. Думаю, я поняла, что не только рыба стала обыкновенной. Но и я. Я сама стала обыкновенной.

– Значит, отец, его присутствие дарило вам ощущение значимости?

– Не знаю, возможно. Говорят, если у вас было счастливое детство, значит, вы просто были невнимательным ребенком.

– Вы ощущаете его присутствие сейчас, во взрослом возрасте?

¹ Здесь и далее стихотворение цитируется в переводе Линды Сауле.

– Я не слышу его голос в голове, если вы об этом. Он не приходит ко мне во сне. Нет. Почти никогда.

– Психология не так проста, на самом деле травма может оказаться гораздо глубже, чем кажется.

– В таком случае я в какой-то степени знала бы об этом. Но я уверенно могу сказать вам и себе: как бы мне ни хотелось считать иначе, мой отец исчез однажды и навсегда. Океан смыл его не только с лица земли, но и из моего сердца.

I

– С вами Сьюзан Уолш, и в эфире радиостанции «Слайго-гоу» – «Истории, которые интересно слушать». Погода в Слайго и прилегающих областях сегодня была спокойной, благодарим за это небо Ирландии и благословляем всех моряков, кто сейчас в море и тоже слушает нашу волну.

Как всегда, мы говорим обо всем, что радует или беспокоит наших жителей, обо всем, что вы хотите мне поведать, обсудить. Сегодня с вами с десяти вечера до двух ночи я, Сьюзан Уолш, и мой технический продюсер Даг. Настраивайтесь на долгое общение, запасайтесь кофе и маффинами, если вы в дороге, и бокалом вина, если дома на диване. Я знаю, что вы любите не только слушать, но и говорить. Что ж, на этой волне найдется вдоволь и того и другого, ведь мы готовы стерпеть все, кроме вашего равнодушия!

Поэтому звоните, если хотите знать, какие таблетки лучше помогают от головной боли. Звоните, если хотите обсудить подробности третьего сезона «Тюдоров» или рассказать о любопытной книге, которую прочитали. Я с нетерпением жду историй, которые вы жаждете поведать в прямом эфире! Я знаю, их у вас много.

Сегодня ночью, как всегда, будет много хорошей музыки: как старой доброй классики, так и новых хитов. Кроме того, вы получите советы от спасателя Кадана Уиллоу о том, как вести себя на воде во время прилива. Впереди вас ждут истории, которые интересно слушать...

В эфире радиостанции заиграла бодрая музыка, и Сьюзан потянула руку за распечатанными на принтере листами, которые оставил ей Даг. Сводка погоды выглядела тревожно. Говорят, шторм может не обойти стороной Слайго, а задержаться в городе и наделать бед. Но в таком случае аварийные службы перекрыли бы дороги и заставили всех сидеть по домам. Однако она спокойно добралась до работы, улицы свободны. Не стоит беспокоиться.

Чуть больше трех с половиной минут до окончания музыкальной заставки – глянула она на монитор компьютера, крупные цифры бежали в обратном отсчете, отмеряя секунды до выхода в эфир. Даг восседал на своем посту – по ту сторону стеклянной будки, уставившись в очередной кроссворд. Тем лучше – можно немного повитать в облаках под звуки музыки.

Сьюзан чувствовала необычайный подъем. Она и не думала, что школьные отметки могут так влиять на эмоциональное состояние. Это ведь даже не ее достижение, а заслуга Киллиана, и он должен испытывать гордость за то, что сумел исправиться. Так говорил ее психолог: не примерять на себя ни чужие тревоги, ни поводы для радости. Но разве Киллиан ей чужой только из-за того, что не она родила его?

Она заметила, что улыбается сама себе, только когда Даг принялся махать ей рукой. На узком лице застыло выражение человека, который узнал новость раньше, чем ведущая. Он выразительно кивнул ей через стекло, чтобы она обратила внимание на что-то, что он послал ей на экране.

Сьюзан надеялась, что эта новость будет интересной и позволит занять хотя бы пару часов звонками в прямом эфире. Она уставилась на экран и, прочитав текст, замерла. Впилась в него глазами и вновь перечитала. На лице появилась растерянность, и она в беспомощности вскинула глаза на Дага. В ответ технический продюсер пожал плечами.

Громкий писк датчика вывел ее из ступора. *Пятнадцать секунд до эфира.* Она была готова придушить Дага за то, что он не дал ей даже минуты обдумать прочитанное, как-то подготовиться, выбрать правильный тон. Но делать нечего, и Сьюзан потрясла головой с белевыми, легкими как пух кудряшками. *Десять секунд.* Во рту больно от горечи. Но виноват ли в этом кофе? Она так хотела поделиться своим хорошим настроением с жителями Слайго. Теперь этому не бывать. Такая новость надолго выбьет всех из колеи. *Пять секунд.* Еще ничего

не ясно, может, все еще наладится. Правой рукой плавно опустила до минимума фейдер на пульте, убирая заставку. Мягкий голос, как теплое молоко, полился в эфир.

– Привет, Слайго. С вами снова Сьюзан Уолш, и я готова поделиться новостями на сегодняшний вечер. Шторм Сизиф, который ожидался в Слайго завтра ночью, неожиданно изменил направление и разыгрался в открытом океане. Некоторые рыболовецкие суда и частные шхуны, вышедшие в море этим утром, были вынуждены экстренно вернуться домой. Однако судьба рыболовецкого судна «Лоб Ангела», вышедшего из бухты Россес-Пойнт с девятью рыбаками на борту, до сих пор неизвестна. Оно не вернулось в порт и не подает никаких сигналов, в том числе сигнала бедствия. Наземные службы делают все возможное, чтобы наладить связь, но имеется опасение, что судно могло быть застигнуто непогодой, разыгравшейся раньше предсказанного времени. На данный момент нет никаких новостей ни о состоянии судна, ни о причинах проблем со связью. На поиски отправлены вертолеты и два спасательных катера, – Сьюзан сглотнула и вытерла капли пота, неведь откуда взявшиеся на ее лбу. – Я уверена, – продолжила она, – что все объясняется лишь плохим сигналом или технической неисправностью радаров. Такое уже случалось раньше, и я призываю жителей Слайго и всех, чьи близкие находятся сейчас в море, не волноваться раньше времени.

Даг включил музыкальный джингл, а Сьюзан откинулась на спинку кресла и выдохнула. Теперь, когда она произнесла это, новость обрела форму. Возможно, для кого-то именно ее голос стал вестником беды. Она знала, что кто-то сделал звук громче, а кто-то ахнул и присел на стул, услышав ее слова. Сьюзан была уверена, во многих сердцах эта новость откликнулась слишком остро. Она слышала, как Даг вошел в стеклянную будку для эфиров и молча положил руку ей на плечо. Он мог позволить себе поддержать ее. Он никого не потерял в море. Атлантический океан для него – лишь большой холодильник, который не устает давать рыбу. Она тоже хотела бы *так* любить океан.

II

Сьюзан с трудом дотянула смену. Часы показывали два часа ночи, когда она, бледная от усталости, наконец встала из-за микрофона. Даг держался едва ли лучше нее, правда, беспокоила его только бессонница.

Прощавшись с напарником, Сьюзан вышла из студии и остановилась у дверей. Ночь стояла тихая и тревожная. Напоенный озоном воздух искрил миллиардами соленых брызг, распыленными над темным Слайго. Стоило Сьюзан открыть рот, как в нем стало солено. Густой туман опустился на город, О'Коннелл-стрит, на которой находилась радиостанция, теперь казалась меньше и уютнее. В это мгновение город как никогда напоминал о средневековых временах, из которых, камень за камнем, сложил свою историю. Вероятно, и сотни лет назад такой же густой туман, приходивший с океана, опускался на улицы, оседая на мостовые, смягчая очертания каменных фронтонов и приглушая все звуки.

Сьюзан прислушалась к ватной тишине. Похоже, шторм так и не дошел до Слайго и отправился на запад побережья, чтобы ударить по Голую. Сьюзан надеялась, что там готовы к нежеланной встрече, хотя предугадать направление стихии бывает сложно. Наверняка сейчас во всех прибрежных городах объявлен оранжевый уровень. Сидят и ждут, кого разбушевавшийся циклон выберет на этот раз.

Она почувствовала, что сон, опутывавший ее последние два часа, вдруг куда-то исчез. Голова была ясной. Домой ехать не хотелось. Возможно, в эти минуты посреди бушующего океана ждут спасения девять моряков. Возможно, именно сейчас они взывают к Богу или шепчут имена тех, кого любят, в надежде вновь увидеть своих родных. Она знала, что не сможет уснуть сегодня, и, заведя машину, уверенно выехала со стоянки.

Сьюзан обрадовалась, увидев сквозь клочья тумана круглосуточный Costa Coffee. Благослови бог ночные кофейни и их сотрудников, которые не снимают фартуки в такое время и непогоду. Людей, которые готовы улыбнуться даже в самый темный час. Ей захотелось поскорее ощутить в руке горячий стаканчик с кофе. Он придаст ей сил, пока она будет... Что изменится, когда она окажется там, на побережье? Ну проведет она пару часов на берегу, вглядываясь в горизонт, неужели это поможет родственникам пропавших моряков не пасть духом или кораблю благополучно вернуться в бухту? Да, так она и думала. Если не верить в это, то лучше вообще не жить на берегу. У океана нужно вымаливать тех, кого любишь, – это знает каждый прибрежный житель.

Подъезд к терминалу заказа был пуст, больше никому не хотелось разбавить эту промозглую ночь ароматом кофе. В динамик ей ответил бодрый мужской голос, который поинтересовался, не желает ли она сэндвич с тунцом к капучино. Сьюзан согласилась. У окошка выдачи она уловила легкий намек на разочарование, промелькнувший в глазах продавца. Что ж, такова реальность – у тебя божественный голос, а лицо... «Лицо, созданное для радио», – говорил Даг о ее внешности. Тем не менее она одарила молодого парня самой приятной улыбкой, на которую только была способна посреди ночи, и выехала на трассу.

Дорога пряталась в тумане, и Сьюзан почти сразу сбавила скорость до десяти километров в час. Путь был привычным и проходил по живописным долинам и холмистым взгорьям, на которые сейчас не было и намека. Сьюзан, привыкшая видеть дорогу залитой лучами солнца, не узнавала местность. То и дело в хлопьях тумана появлялись каменные ограды частных домов или дорожный знак с указателем поворота, плотно растущий кустарник или убегающий в пустоту газон с серой ночной травой.

На повороте ее едва не занесло на скользком асфальте, и она резко остановила машину. Надо выключить музыку, она слишком отвлекает. Сьюзан огляделась, стараясь различить хоть что-то в плотном облаке, окружавшем машину, и сориентироваться, не свернула ли она ненаро-

ком на другую дорогу. Справа она увидела небольшую деревянную табличку, вбитую в землю. «Надо же, – поразилась Сьюзан. – Не узнала Клуб морских видов спорта, где проработала целых пять лет! А куда они дели флашток с флагом и эмблемой? Ах, вон, белый столб на месте, только убегают он прямо в зернистую пустоту. Чертов туман, ничего не разглядеть, город стал словно чужой».

Она снова вывернула на дорогу. Придется двигаться осторожно, благо до пляжа всего каких-то семь километров. Но почему-то они кажутся ей бесконечными.

В свете фар мелькнул дорожный знак «Россес-Пойнт», и Сьюзан сбавила скорость, въезжая в поселок, расположенный на ровном плато, идущем под углом к океанскому берегу. Цветные домики, тянувшиеся вдоль променада, так радовали глаз при свете дня, но сейчас казались темными и заброшенными. До ее ноздрей донесся запах водорослей и рыбы, а еще смолы и свежей травы. Россес-Пойнт – одно из любимых мест отдыха жителей Слайго. Большого города – в сравнении с этой деревушкой в одну тысячу жителей.

Сьюзан припарковала машину на площадке, откуда дальше можно было идти только пешком. Но осталась стоять подле машины. Взяла кофе и принялась жевать сэндвич, вглядываясь в рыхлый от непогоды горизонт. Обычно она ориентировалась по фигуре статуи «Ждущей на берегу», но из-за тумана все приметы видоизменились, поменяли расположение. Она могла только слышать океан, представлять его – капли олова, сверкающие на черном бархате, где берег – лишь огранка. Графитовый росчерк неба и изогнутый подковой берег, едва читаемый, чуть видимый.

Она подошла к краю площадки и, прищурившись, увидела, как сквозь туман, запутавшийся в редких кустарниках на верхушках песчаных дюн, прорезались черные водные всплохи в неясном лунном свете. Глухие волны выплескивались толчками – как лишняя вода из кипящего чана. Сьюзан прислушалась, улавливая тихую песнь: это песчинки трутся друг о друга, превращаясь в тончайший, почти драгоценный намол. Пустой, первобытный пляж. Ни шороха, ни движения, лишь он и она.

Когда-то она могла часами бродить по берегу, разглядывая босые ступни, испытывая невероятное чувство – будто ходила по воде и не тонула. Во время большого отлива вода должна покидать берег, но по сути она лишь опускается, оставляя жемчужные гребни на дне и круги зеркальных луж, широких, словно озера. Наступаешь на такую, и стопа мягко уходит в песок. И тогда чувствуешь, как ее обнимает вода, та, что осталась внизу. Та, что не причинит тебе вреда.

Несчастные рыбаки, отправившиеся в море в недобрый час, не заслуживают злой участи. И она будет стоять здесь столько, сколько нужно для того, чтобы успеть прошептать простые слова, идущие прямо от сердца. К тем, кто борется за свою жизнь. К тем, кому сейчас страшно.

* * *

Сьюзан проснулась от стука. Ей пришлось потрясти головой, чтобы разогнать тяжелый воздух, скопившийся от ее дыхания за ночь в машине.

Со стороны водителя за стеклом стоял мужчина. На фоне синего неба Сьюзан разглядела полицейскую форму Гарда Шихана². На секунду ей показалось, что перед ней стоит манекен с застывшим на лице настороженным выражением. Девушка с усилием поморгала и, шурясь от слепящего солнца, нажала кнопку. Стекло старенькой «мазды» со скрипом поехало вниз, давая возможность собраться с мыслями.

² Гарда Шихана – название ирландской полиции.

Она что, отключилась в машине? Такого с ней еще не случалось, даже после двух ночных смен она находила в себе силы доехать до дома, раздеться, лечь в постель. В салон машины ворвался морской воздух, а с ним – строгий голос полисмена:

– Доброе утро, мэм! Отгоните машину с этого места, нам нужно его оцепить.

– Что случилось? – Сюзан, окончательно проснувшись, принялась озираться. Взгляд упал на пляж Россес-Пойнт, раскинувшийся ниже парковки. Внизу было не по-утреннемулюдно и суетно. Солнце стояло высоко, а под ним развернулись два плаката синевы: небо и океан, скрепленные дымкой. Все, что осталось от вчерашнего туманного варева.

– Сюда вот-вот придут криминалисты, и нам необходимо расчистить территорию для сбора возможных улик. Кроме того, мы хотели бы опросить свидетелей, – он выразительно посмотрел на нее.

– Боюсь, я не смогу вам помочь, – покачала она головой. – Мне самой нужен свидетель, который расскажет, как я могла заснуть в машине в семи километрах от дома.

Полицейский позволил себе дежурную улыбку и, не спуская со Сюзан глаз, попросил назвать свое имя.

– Сюзан Уолш, – отрапортовала девушка, тушуясь под пристальным взглядом. – Я ведущая на радиостанции «Слайго-гоу», – чуть помедлив, добавила она. – И мне, очевидно, уже пора домой.

– Понимаю. Но не так скоро. Прошу отогнать машину на другую стоянку, вон туда, ниже этой тропы.

– Но что произошло? Это моряки, их нашли? – Реальность постепенно возвращалась к Сюзан, хотя голова теперь начала пульсировать, словно огромный сердечный клапан был встроен в самое ее основание.

Вместо ответа полицейский махнул рукой в сторону пологого склона, где стройными рядами стояли яркие постройки:

– Ждите там, я пришлю к вам сержанта.

Сюзан кивнула и тряхнула головой. Окружающий мир полностью вступил в свои права, и запоздалая волна тревоги обдала лицо. Девушка потянулась за стаканчиком с кофе и сделала глоток потерявшего всякий вкус напитка. Вслед за этим пришло нестерпимое желание почистить зубы после вчерашнего сэндвича с тунцом. Прямо здесь и сейчас захотелось густо намазать щетку пастой и вонзиться в нее зубами. А потом долго тереть, ощущая, как мятная прохлада снимает напряжение, а дыхание становится чистым и спокойным. Ей пришлось отогнать эту приятную мысль. Зубные принадлежности сейчас дома, до них не добраться. Ей нужно побыстрее закончить дела с полицией и возвращаться. Киллиан наверняка в недоумении, почему она не ночевала дома, и уже придумал парочку сценариев в духе подростковых ужасиков. Она проверила телефон и чертыхнулась: он, разрядившись окончательно, отключился.

Сюзан завела машину и дала задний ход, чтобы развернуться на гравийной площадке. Ей открылся пляж Россес-Пойнт, до этого частично скрытый зарослями. Залитый солнцем полукруг песка напоминал дольку дыни, на которую налетела мошкара. Все пространство заполнили одетые в форму люди. Непривычное оживление. Большая приливная волна уже ушла. Теперь берег был словно вывернут наизнанку, неряшливый и видоизмененный, с разбросанными тут и там сучьями и камнями. Удивительно, как океан снова и снова расчерчивает пляж, каждую ночь будто стирая набросок, готовя почву для чистой работы.

Она заметила двоих мужчин с фотоаппаратами и рядом с ними часть полицейского ограждения – ярко-желтая лента колыхалась на ветру. Но что она скрывала, Сюзан, как ни старалась, не смогла разглядеть. Она не стала закрывать окно, чтобы океанский бриз освежил ее после горячего сна, выкрутила руль и проехала на полсотни метров вниз, на площадку возле огороженного невысоким заборчиком кемпинга.

Как оказалось, там ее уже ждали. Крепко сложенный, среднего роста мужчина в форме и фуражке приветливо улыбнулся, сразу расположив к себе. Ему явно было некомфортно под палящим солнцем, лицо покраснелось, и он часто моргал, отчего вид у него был слегка рассеянный.

– Ирвин Дэли, сержант полиции Слайго, – сказал он и протянул руку. – Могу я узнать ваше имя, мэм?

Сьюзан представилась и ответила на крепкое рукопожатие, ощутив приятный запах мужского одеколона. От этого свежего аромата ей еще больше захотелось очутиться в собственной ванной и привести себя в порядок. Она удрученно вздохнула, наблюдая, как полицейский устраивается на камне таким образом, чтобы Сьюзан было удобно присесть рядом.

Сержант Дэли достал ручку и блокнот для записей из внутреннего кармана пиджака и принялся выводить ее имя с прилежностью лучшего ученика в классе.

– Мне сказали, что вы провели ночь на парковке в машине. Все верно, мэм?

– Все так, – пожала плечами Сьюзан, понимая, как нелепо прозвучат ее объяснения. – У меня был ночной эфир на радиостанции в Слайго. Он длился до двух ночи, а потом я не захотела ехать домой... Видимо, усталость взяла свое.

– Могу я узнать, что привело вас в Россес-Пойнт? У вас здесь родственники?

– Вообще-то я выросла здесь, мы жили тут всей семьей много лет назад. Потом я переехала с матерью в Слайго.

– Ясно.

– А вчера... Мне захотелось побыть у воды. Новость о пропавших моряках сильно тревожила меня, и мне захотелось как-то поддержать их... – она запнулась.

– О, я благодарю за ваше сочувствие, мэм, это очень достойный поступок.

– Спасибо, – кивнула Сьюзан. – Могу ли я узнать, что произошло? Тот полицейский, он не объяснил мне... Это моряки?

– Нет, новостей о них пока нет.

– Но тогда...

Сержант потер переносицу и часто поморгал:

– Сегодня утром на пляже было обнаружено тело мужчины. В данный момент мы пытаемся идентифицировать, кому оно принадлежало.

– Ох, – вырвалось у Сьюзан. – Уже известно, что с ним случилось?

– Пока нет. Вероятнее всего, утопление. В Слайго-Бэй опасные волны, и оставаться на пляже после полуночи, когда приходит большая волна, смерти подобно. Если бедняга заснул, то все произошло очень быстро. Но, разумеется, это не официальное заявление, – спохватился полицейский.

– То есть этот человек, мужчина... Он был на пляже ночью, лежал все это время? – Сьюзан поежилась.

– Вы были на пляже, мэм?

– Нет, только на площадке. Мне кажется, я приехала около трех часов ночи. Вчера был сильный туман. Я с трудом добралась сюда и по этой же причине осталась в машине. Ждала, что погода наладится, но этого так и не произошло.

– Да, местные жители тоже подтвердили это. Туман спустился в районе одиннадцати вечера и рассеялся только к пяти утра.

– Вероятно. Я не смотрела на часы.

– Вы кого-то видели?

– Конечно нет. Туман был очень густой. Поверьте, если бы я знала, что кому-то неподалеку требуется помощь, я бы вызвала подмогу!

– Не сомневаюсь в этом! Все дело в том, что вы могли ненароком видеть или слышать что-то, чему не придали значения тогда, однако это может оказаться важным для расследования.

– Мне кажется, я слышала какие-то голоса со стороны поля для гольфа, но из-за тумана все звуки были приглушены, поэтому я не уверена. Как его обнаружили?

– Местный житель гулял с собакой, он и увидел мужчину, лежащего на песке. Он подумал, что ему еще можно помочь, и вызвал «скорую», но было слишком поздно.

– Мне жаль, что так произошло, – только и смогла сказать Сюзан.

– Не принимайте близко к сердцу, такие вещи случаются гораздо чаще, чем принято думать, – он ободряюще похлопал ее по плечу, но тут же смутился и убрал руку. – Я записал все, что вы сказали, но это только предварительная беседа. Боюсь, нам придется потревожить вас снова.

– Разумеется, – с готовностью кивнула Сюзан и продиктовала адрес, номер сотового и рабочего телефона. – Если я не отвечу на сотовый, значит, веду радиошоу. А так – звоните в любое время.

– Ну в эфир я звонить, пожалуй, не стану, – улыбнулся сержант. – Мой голос не так приятен, как ваш. Я из тех, кто предпочитает слушать, а не говорить.

– В этом мы похожи, – улыбнулась в ответ Сюзан. – Если не любишь слушать, то на радио тебе делать нечего. Людям нужна радиотерапия, как я ее называю. Она дает ощущение сопричастности, единения с большой аудиторией и в то же время уединенности кабинета психолога.

– Наверное, это странное ощущение, когда говоришь наедине с собой и в то же время понимаешь, что тебя слышат тысячи людей!

– Ну так и работает прямой радиоэфир, – хмыкнула Сюзан.

– Погодите-ка. Мне только что пришла в голову идея. А что, если вы сделаете объявление? Расскажите вашим слушателям о том, что произошло на пляже, и поможете установить личность погибшего? Полагаю, у вашей станции большая аудитория?

– Все графство. Почему бы и нет? Буду рада помочь. Но разве полиция не справится с этим делом?

– Дело в том, что при погибшем не обнаружено никаких документов. А без имени жертвы поиск родственников займет какое-то время. Сами понимаете, любое промедление в подобных случаях нам не на руку. Разумеется, мы расклеим листовки с фотороботом, но по опыту скажу, в таких делах лучше задействовать все каналы. Родственники погибшего должны узнать о несчастье как можно скорее.

– Конечно, я понимаю.

– Что ж, на этом пока все, я записал ваши показания, будьте добры, поставьте подпись вот здесь, – он протянул ей потрепанный блокнот. – И прежде чем вы уедете... – он помедлил. – Я подумал, что после бессонной ночи вам наверняка захочется освежиться. У меня в бардачке одноразовый набор и бутылка воды. Вы можете воспользоваться ими.

– О, спасибо, это лишнее, – смутилась Сюзан и рефлекторно прикрыла рот рукой. Но Ирвин Дэли уже крепко взял ее за запястье и повел за собой. Сюзан ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

III

Домой она вернулась к полудню. Тело нещадно саднило, голова разболелась сильнее. Вдобавок, уже заходя в дом, она вспомнила, что не заехала в магазин за продуктами, а значит Киллиан, когда придет из школы, снова будет жевать одни бутерброды. Но Сьюзан обреченно махнула рукой – не было сил думать о пустом холодильнике. Перед глазами стояла другая картинка: пустынный утренний пляж и огороженное тело. Кем был этот человек?

Полицейский сказал, что, вероятнее всего, это утопленник. Она тоже склонялась к этой версии. Воды Атлантики не спокойное озерцо. Океан забирает жизни с легкостью, невообразимой для человека.

Подумав о приливе, она ощутила смутное беспокойство. Что-то связанное с водой не давало ей покоя. Сьюзан была уставшей, плохо видела из-за тумана, но вода и странные точки волн, так непохожие на обычный прилив, – все это тревожило ее. Могла ли такая волна вынести тело на берег, если этот мужчина заплыл слишком далеко? И тут же ответила себе – вполне, если потом она набрала силу.

Возможно, этим мужчиной был местный житель, у которого проблемы с сердцем. Быть может, он прогуливался вдоль кромки берега и, почувствовав себя плохо, упал. Но тогда она могла бы спасти его. Если бы не проклятый туман, они бы увидели друг друга. Он взмахнул бы рукой, она подошла и вызвала бы помощь. А что, если это не естественная смерть? Что, если преступники лишили его жизни за минуту до того, как она приехала, а услышав ее, бросились бежать?

А может, его привезли в багажнике и выбросили с наката в надежде на то, что приливная волна унесет тело. Вполне вероятно. После каждой большой волны берег практически рисуется заново. Неизменным остается только форма подковы, но вот расположение подводных камней, песчаных дюн – всегда новое.

Что, если неизвестные припарковали свой автомобиль рядом с ее и смотрели, как она спала, подставив лицо лунному свету. Кто знает, возможно, лишь крепкий сон спас ее от смерти. Свидетелей редко оставляют в живых. При этой мысли она ощутила, как дрожь взбегает по затылку.

Внезапный стук упавшего предмета отвлек ее от невеселых размышлений, и она дернула головой, прислушиваясь. Шум шел сверху. Она глянула на часы. Половина первого. Киллиан не может быть дома так рано. Но звук шел из его комнаты на втором этаже. Ноздри ее уловили запах, который она не заметила сразу, как вошла. Пахнет сигаретами. Сын опять прогулял школу! Сейчас, когда все только стало налаживаться. И вдобавок снова курит!

Нет, она не пойдет наверх учинять допрос. Она не хочет выступать в роли сварливой матери. Она хочет быть его другом. А друзья не предъявляют претензии, они учатся понимать и делают это при любой возможности. Самовнушение подействовало. Усилием воли она приняла решение не подниматься наверх, вместо этого налила себе крепкий чай и уселась в гостиной.

Она не могла понять, чего избегает больше – момента, когда ей придется включить телевизор и, возможно, услышать трагические новости, или очередного неприятного разговора с бунтующим подростком. Сьюзан нажала на кнопку, и, как она и опасалась, на экране возникли кадры с места крушения корабля. Белые обломки, словно осколки разбитой посуды. Крах чьей-то семьи, безоблачной жизни. Начало фатальной череды сожалений, горьких воспоминаний о том, чего уже не вернуть.

Она не могла сдерживать слез, слушая имена мужчин, погибших в борьбе с ненастьем. Шторм «Сизиф» – прекрасный и беспощадный монстр, распахнувший свою пасть и поглотивший девять невинных жизней в открытом океане. Камера равнодушно фиксировала, как люди, знавшие погибших, делились последними воспоминаниями. «Вечером мы выпили пинту

в пабе, вспоминали школьные годы...» «Поверить не могу, что его больше нет...» «Он позвонил мне утром с лодки, спросил, что поймать на ужин».

Она выключила телевизор, не в силах больше смотреть на это. Она и забыла, что хотела поговорить с сыном, пока не услышала звуки шагов на лестнице. Ей показалось, что спускаются двое. Девичья фигурка мелькнула так быстро, что Сьюзан успела разглядеть лишь светлую джинсовую курточку да стянутый на затылке хвостик. А следом фигура ее сына. Быстрое прощание и щелчок замка входной двери.

– Киллиан? – окрикнула она.

Приемный сын вошел в комнату и прислонился к дверному косяку.

– Привет, Сьюз.

Опять это дурацкое имечко. Сколько раз она просила не называть себя так. Всклоченная пшеничная шевелюра, голубые глаза с лисьим прищуром, помятая рубашка в яркую клетку. Вряд ли он вообще выбирался сегодня из постели.

– Почему ты не в школе?

– Потому.

– Киллиан.

– Что? Я не нашел спортивную форму, – взвился он. – Куда ты ее засунула? Я звонил тебе все утро.

– Ты звонил, чтобы спросить о форме?

– Ну да.

– И только? Тебе не хочется знать, где я была всю ночь?

– А ты что, хочешь мне рассказать? – гоготнул подросток, и щеки Сьюзан вспыхнули.

– Твоя форма в сушильной машине, как и всегда. Только не говори, что ты не догадался заглянуть туда, не поверю. Кто эта девушка?

– Моя подруга.

– Это я понимаю. Как ее зовут и почему она не на занятиях? Ее родители вообще в курсе, что она провела все утро в твоей комнате? Или... о нет, она что, ночевала здесь?

– Слишком много вопросов, – закатил он глаза. – Ее зовут Софи, хотя я и не должен тебе ничего объяснять.

– Еще как должен, – категорично заявила она и, тут же вспомнив собственные установки, примирительно добавила: – Иди, сядь сюда.

Сын нехотя послушался.

– Ты уже слышал про рыбаков? – она погладила его по напряженному плечу.

– Да.

– Не хочешь поговорить об этом? Люди погибли...

Он помотал головой, давая понять, что не намерен вести беседу.

– Хочу тебе кое-что рассказать, – глубоко вздохнув, сказала Сьюзан. – Сегодня ночью я была в Россес-Пойнт. Там нашли мертвого мужчину.

– Да ну! Где? – он заинтересованно развернулся к ней.

– На пляже. Когда мы были там в последний раз, год назад? Тогда ты не был таким колючим, как сейчас. Этой ночью был сильный туман, и я захотела побыть на берегу, – она сознательно опустила подробности своего сентиментального порыва. – Заснула в машине, а утром меня разбудили полицейские, чтобы допросить. Они думали, что я могу знать, кем был тот человек.

– А ты не знаешь?

– Откуда? Я просто случайно оказалась там. В тот момент у меня возникло странное ощущение. Знаешь, по утрам, когда еще не до конца проснулся, бывает такое, что ты не вполне понимаешь, где находишься. Время будто сжимается и откатывается до момента, которого ты ждешь.

– Не понял, – фыркнул подросток.

– Когда полицейский меня разбудил... А за окном машины блестел океан в утреннем свете... В какое-то мгновение мне показалось, что они говорят о моем отце. Мне показалось, что они нашли его...

– Ага, спустя столько лет!

– Да, разумеется, это звучит как бред. Но в то самое мгновение его возвращение стало возможным.

Повисла пауза.

– Знаешь, а я видела того мужчину на пляже, – задумчиво проговорила она, оставляя разговор об отце. – Когда я уезжала, то на повороте, оттуда видна вся бухта, остановилась и вышла из машины. Солнце било в глаза так ярко, а океан был просто невообразимо прекрасен. Широченный, таким я его, наверное, никогда не видела. Вдалеке лодочки: белые перья, налипшие на голубое зеркало, – так это выглядело. Из бухты выходили моряки на деревянных лодках и парусниках – влюбленные в море люди отправлялись туда, где жизнь не останавливалась. Гибель моряков никого не напугала.

Я не уверена, зачем это сделала. Что хотела увидеть. Наверное, я преступила закон, не знаю. У меня была с собой фотокамера. С большим зумом. И я открыла объектив и направила его в сторону пляжа. Изображение было нечетким, но все-таки я увидела этого мужчину. Не близко, но достаточно. Его пока не накрыли, видимо, криминалисты снимали для отчета.

Полностью одетый человек на пляже. Он лежал лицом вниз, уткнувшись прямо в песок. Наверное, это поразило меня больше всего. Человек, лежащий лицом вниз, – это зрелище, которое не ожидаешь увидеть рано утром. Я все смотрела и не могла убрать камеру. А люди ходили по песку, мимо этого мертвеца, живые и любознательные, они просто делали свою работу, это было так очевидно. У трупа нет забот, а вот у тех, кто нашел его, заботы только начинаются. И он лежал и своим положением тела как бы говорил: у меня нет никаких шансов. Для меня все кончено. Он словно декламировал смерть. И был категоричен в своем заявлении, если можно так выразиться. Ты понимаешь, что я хочу сказать, Киллиан? – повернулась Сюзан к сыну. – У того, кто лежит лицом вниз, нет никаких шансов вернуться к жизни.

IV

– Добро пожаловать на волну «Слайго-гоу»! С вами Сьюзан Уолш и «Истории, которые интересно слушать».

Мне не хочется начинать наш вечер с плохих новостей – достаточно тех, что мы получили совсем недавно. Гибель девятирех моряков надолго оставит глубокий след в наших сердцах. Я вновь приношу свои соболезнования родственникам и близким погибших рыбаков и надеюсь, что подобная трагедия больше никогда никого из нас не коснется.

Однако есть еще одно дело, требующее всеобщего внимания.

Заранее прошу прощения за информацию, которую я собираюсь озвучить, но мой долг – быть честной с вами и делиться не только хорошими, но и плохими новостями. Впрочем, из этого и состоит наша жизнь.

Мы получили официальный запрос из полицейского управления Слайго, в котором сержант Ирвин Дэли – ответственное лицо, назначенное по этому расследованию, просил огласить информацию в прямом эфире. Четыре дня назад на побережье Россес-Пойнт, что в семи километрах от Слайго, было найдено тело пожилого мужчины. На вид ему около шестидесяти пяти лет. Он был одет в черные брюки, темно-серую рубашку и черные ботинки. А еще он носил кожаную куртку, также черного цвета.

Свидетель происшествия заметил очертания фигуры – казалось, что человек просто спит. Однако когда он подошел ближе, чтобы проверить, то понял, что ошибся. Очевидец тут же вызвал спасательную службу, которая приехала на место вместе с полицейскими. Они были вынуждены констатировать смерть, по предварительным данным мужчина скончался от утопления.

Примерный возраст – шестьдесят пять лет, голубые глаза, высокий рост, седые волосы. У нас есть имя этого мужчины, он назвал его при заселении в городской отель Слайго. Питер Бергманн. Возможно, вы слышали его или знакомы с этим человеком. Свяжитесь с нами, если это так.

Я благодарю свидетеля происшествия за его равнодушие и молитву, которую он прочитал над телом неизвестного. А также приношу свои соболезнования родственникам погибшего и обращаюсь к своим радиослушателям. Знаю, что нас слушают не только в Слайго, но и в Инишкрене, Иски, Россес-Пойнт и других населенных пунктах графства. Если кто-то из вас владеет информацией по данному инциденту, просьба позвонить в эфир и сообщить все, что вам известно. Если вы вдруг знаете, кто этот мужчина, звоните.

По прошествии четырех суток найденное на пляже тело мужчины еще не опознано, и никто не явился в Отдел Гарда в Слайго для опознания. Я озадачена. Возможно, те, кто имеет отношение к этому делу, просто не знают о происшествии? Если этот мужчина уехал из дома по делам на несколько дней, то родные вряд ли станут беспокоиться так рано. И мне не хочется думать о том, что они испытают, когда увидят расклеенные листовки с фотороботом и узнают в нем кого-то близкого.

Мне кажется это странным. Я тут на секунду задумалась о том, что чаще всего в таких делах все происходит наоборот: пропадает человек, и его ищут, зная, кто он и при каких обстоятельствах пропал. А здесь – у полиции имеется тело, но никто не может его опознать.

Однако я уверена, что это лишь вопрос времени. Мой мозг отказывается верить в то, что пожилой мужчина, кем бы он ни был, останется неопознанным. Этого просто не может быть.

Обещаю держать вас в курсе этой странной истории, но не надейтесь лишь на меня. Вы – наши слушатели – не менее ценный ресурс, а иногда, как показывает опыт, даже гораздо более ценный. Подумайте, что могло привести Питера Бергманна на пляж, в конце концов, он не появился там из ниоткуда! К любой местности ведет дорога. Если мужчина шел пешком

или добрался туда на машине или велосипеде, вы или ваши знакомые могли повстречать его в тот день, 12 июля. Делитесь любыми деталями, которые могут пролить свет на личность погибшего, сейчас ваша внимательность нужна нам как никогда.

Да, как я упоминала ранее, полиция пока не раскрывает причин гибели этого человека. По всей видимости, служители закона ждут заключения судмедэксперта, чтобы сделать официальное заявление. Как бы то ни было, я надеюсь, что смерть неизвестного была ненасильственной. Я молю Бога, чтобы она оказалась... мирной... Надеюсь, вы простите мне это замечание. Почему мне хочется так думать? А как иначе. Когда я думаю о пляже Россес-Пойнт, то вижу перед собой золотистый песок, остывающий в лучах уходящего солнца. Слышу шум ветра, несущегося с просторов Атлантического океана. Вижу, как в часы прилива голодная волна проглатывает бухту метр за метром. А утром, еще до рассвета, она уходит, великодушно оставляя берег в распоряжение местных. Таким я помню Россес-Пойнт с детства, и при мысли о нем чувствую благодать и радость. Только лишь поэтому я не могу представить, чтобы для кого-то этот живописный островок умиротворения стал последним пристанищем. Чтобы кто-то лишился жизни на берегу, подарившем так много добрых воспоминаний стольким людям!

Человек, найденный на пляже, – чей-то отец, муж, знакомый или сосед. Он был кому-то дорог, и чье-то сердце сейчас бьется в агонии неизвестности. Все, что я прошу вас сделать, это проявить равнодушие, как вы всегда умели. Прошу не переставать быть внимательными к окружающим. Раз жизнь свела их с вами, вы несете за них ответственность. Это ваш самый прямой – человеческий долг.

И мой помощник Даг дает мне сигнал о том, что у нас есть звонок от одного из слушателей. Добрый вечер, Бри-да. Откуда ты звонишь?

– Привет, Сюзан. Я живу в Россес-Пойнт. Мой дом стоит в ста метрах от пляжа, где было найдено тело.

– Мне очень жаль, должно быть, это большое потрясение для тебя! Ты знаешь, кто этот человек?

– О нет, нет! К сожалению, ни я, ни жители деревни не знаем этого мужчину. Я не была на пляже в тот день, так как возила сына в Слайго, к зубному врачу. Но мы видели рисованный фоторобот, что полиция развесила по всей деревне. Нет, мы не узнали этого человека.

– Значит, он никому не показался знакомым... То есть вы уверены, что это не житель Россес-Пойнт?

– В деревне живет не так много человек, Сюзан. Поверь, мы бы смогли распознать своего, хоть живого, хоть мертвого. Никто из Россес-Пойнт не пропал. Все наши дома.

– Что ж, если он не из ваших, тогда, возможно, он приезжий? В таком случае географию поиска родственников придется расширить. Получается, он мог прибыть из любого населенного пункта графства.

– Я склоняюсь к мысли, что он приехал из соседнего графства. Может, Мейо или Роскоммон. За столь короткое время его могли еще не хватить.

– Да, я согласна, это лишь вопрос времени.

– Могу я еще кое-что добавить?

– Да, Брида, конечно, ты все еще в эфире. Мы слушаем тебя.

– Э-э. Тебя не смущает это совпадение?

– О каком совпадении ты говоришь?

– Приют мертвеца. Старое название пляжа Россес-Пойнт. То место, где моряки похоронили кого-то из своей команды.

– Ах да, как я могла забыть! Легенда о капитане Блэк Джеке.

– Да, с тех пор как я слышала о смерти того несчастного, не могу найти себе места, думая о том, что, возможно, здесь все не так просто, как кажется.

– Что ты имеешь в виду?

– Вдруг это какой-то ритуал? Ведь в той старой легенде говорится, что если в полнолуние принести жертву на холме, то сам пират Блэк Джек укажет, где скрыты его сокровища.

– Ох, Брида! Я не верю в привидения, но верю в волю тех, кто злонамеренно стирает границу между живыми и мертвыми. Ты считаешь, что кто-то мог лишить жизни этого человека из корыстных побуждений?

– Почему бы и нет!

– Что ж, это неожиданное предположение и, честно говоря, неприятное. Наверное, я обязана предостеречь слушателей от подобных преждевременных версий и напомнить, что у нас пока нет официального полицейского отчета о происшедшем. А значит, строить домыслы мы должны очень осторожно. Нам не нужны слухи, они лишь сбывают с верного пути, отвлекут от правды. А нам нужна именно она. Брида, твое предположение имеет право на существование и даже в какой-то мере выглядит логичным. Однако я глубоко убеждена в том, что это простая случайность. Это лишь место, временами опасное, временами прекрасное. А легенда – что ж, Ирландия полна старинных преданий, мы выросли на них, и они являются частью нашей с вами истории. Также мы, жители прибрежного региона, знаем, насколько может быть опасным Атлантический океан не только в открытой воде, но даже возле берега. Особенно возле берега. Волны накатывают так быстро, что стоит замешкаться – и пучина тебя утянет. Как бы то ни было, я благодарю тебя за неравнодушие, Брида, и обещаю передать твои слова сержанту Дэли.

Жители Россес-Пойнт – прекрасные люди, мы только что могли в этом убедиться на примере одной из звонивших! У меня на сердце легко от того, что никто из жителей этого доброго уголка не пострадал. Однако это не снимает тяжелое бремя с моих плеч, раз уж я волей случая оказалась замешана в этой истории. В день гибели Питера Бергманна я была в Россес-Пойнт, провела ночь в своей машине всего в нескольких десятках метров от места, где произошла трагедия. Но, так же как и полиция, я не знаю, кем был мужчина, найденный утром 13 июля. Мне, как и всем неравнодушным слушателям, на сегодняшний день известно лишь его имя. Я повторю его еще раз для тех, кто совсем недавно подключился к нашей волне. Неизвестного человека, найденного на пляже рано утром, звали Питер Бергманн.

V

Слайго погрузился в скорбь по погибшим морякам Россес-Пойнт. Большой город, словно старший брат, принял на себя часть траура, вывесив на главных улицах похоронные гирлянды и флаги. Даже река, эта главная артерия города, обычно шумная и порывистая, казалось, сделалась тише, плавно и почтительно проходя частые каменистые пороги, уносила с собой печаль. Первые полосы газет, выставленных на штендерах у продуктовых магазинчиков и киосков на Джон-стрит, пестрели броскими заголовками, одни из которых выражали сочувствие, другие же выдвигали версии происшедшего. «Волна-убийца», – выкрикивала The Sligo Post, «Жестокый шторм унес жизни девяти!» – сокрушалась The Weekender. Девять фотографий смотрели на Сюзан – улыбчивые бесхитростные лица, трудяги, чей ежедневный подвиг заключался в добыче пропитания для своих семей. Олицетворение достойных жителей Ирландии и новые жертвы богатой мореплавательной истории страны.

Проходя мимо городской ратуши, Сюзан заметила приспущенные флаги, и тут же, в двадцати метрах, – горящий огнями паб. Внутри и снаружи люди с бокалами «Гиннеса» и «Килкенни», ожесточенное веселье, так не вязавшееся с трагедией, и в то же время – единственно верный ответ на нее. «Так уж повелось, – думалось Сюзан, – что смерть в Ирландии – это празднование жизни, нежелание ломаться под гнетом неизбежного». Ирландцам не свойственно замалчивание горя, смирение перед ним. И чем больше трагедия, тем яростнее стук стаканов, чтобы он наверняка долетел до тех, кто преждевременно покинул этот мир.

Сегодня уже никто не читает поэмы над телом усопшего, не устраивает ночные бдения, дабы убедиться, что покойный умер, а не просто отравился, глотнув эля из свинцовой кружки. Сейчас не встретишь тех, кто совершает ритуалы вызова духов, чтобы те сожрали грехи почившего и приняли удар преисподней на себя. Языческие традиции остались в прошлом, но кое-что все же сохранилось с древних времен. Отношение к кончине. Приятие не смерти, но жизни, в которой есть место упокоению. Там, где текут слезы, ирландец улыбается. Он знает, что смерть, наступившая сегодня, – лишь неизбежность, которая коснется и его. Ирландец знает, что умрет. Только завтра, не сегодня. И пока есть возможность восхвалять жизнь, с бокалом, полным пива, или без него, он будет это делать.

Сюзан протиснулась в двери паба, бурлящего пятничным оживлением, и, с трудом отыскав место, села у окна. На улице почти стемнело, в помещении же сияли яркие огни, и гомон внутри оглушал. Несколько мужчин, а их, как обычно в подобных заведениях, было большинство, бросили заинтересованные взгляды в ее сторону, но, не встретив ответного интереса, вернулись к общению с собутыльниками. Барную стойку не было видно из-за желающих пополнить алкогольные запасы, и Сюзан смотрела, как, прихватив по две пинты, мужчины отходят к своим столам.

Ей тоже хотелось выпить, но она решила не делать заказ, пока не дожидется сержанта Дэли, чтобы не показаться невежливой. Она могла бы взять ему пинту, вот только не знала, какое пиво он предпочитает. Вопрос о том, пьет ли он, даже не стоял – он был ирландцем, а за всю свою жизнь Сюзан встречала только одного соотечественника – поборника трезвости: ее собственную мать. Сюзан ухмыльнулась, вспомнив, что именно из-за своей принципиальности мать с трудом получила должность в мэрии. В городском руководстве не нужны были люди, не знающие толк в стаутах. О чем прикажете говорить с дамочкой, пятничным вечером отправляющейся домой, а не на двухдневную попойку? И только профессиональные качества и настойчивость позволили ей пробиться в окружение мэра и продержаться там без малого двадцать лет. Не выпив при этом ни капли «Гиннеса» или «Харпа»!

Не замечая плавно текущих размышлений, Сюзан вглядывалась в лица входящих в паб все новых и новых посетителей, стараясь не упустить момент появления Ирвина Дэли. В сотый

раз она спрашивала себя: правильно ли поступает, соглашаясь встретиться с ним в неформальной обстановке, будучи всего лишь радиоведущей. В ее обязанности не входили ни сбор инфоповодов, ни общение с новостными источниками. Для всего этого имела информационная городская служба, исправно направляющая к ним новостные трафики в самые оперативные сроки. Да, сказать по правде, Сюзан не было нужды встречаться с сержантом. Ни сегодня, ни в любой другой день. Особенно в пятницу вечером, в пабе, особенно за бокалом алкоголя.

Она вдруг осознала, что хоть и общалась несколько минут с сержантом лицом к лицу, но все равно не может полностью воссоздать в уме его облик. Она помнила крепкую, излучающую уверенность фигуру, яркую синеву глаз, правильные черты лица, прямой нос, мягкие губы, готовые к улыбке. Но все это было по отдельности, словно вспорхнувшие в воздух вырезки из газет. А вместе их сложить почему-то не удавалось.

Она старалась смотреть внимательно, но все равно упустила момент, когда Ирвин зашел в паб. Она просто его не узнала, так как он был одет в мягкий пиджак, рубашку и джинсы и не выдавал в себе служителя закона ни походкой, ни манерой держаться. Если не знать, так можно было принять его за школьного учителя или продавца подержанных машин, забежавшего в паб после тяжелого дня. Он увидел ее и принялся проталкиваться сквозь строй посетителей. Не успев сесть за столик и поздороваться, он тут же вскочил и спросил, что Сюзан хотела бы выпить. Через пять минут Ирвин вернулся с двумя бокалами – крепкий стаут для себя и белое вино для Сюзан.

Он сел напротив, достал какие-то бумаги из прямоугольной сумки и принялся с усердием раскладывать их на липком столе, совершенно не замечая подогретых алкоголем взглядов мужчин вокруг, которые без стеснения рассматривали их, подозревая свидание. Сюзан тоже задержала взгляд на Ирвине, с удивлением заметив чуть более излишнюю, чем того требовала обстановка бара, сосредоточенность на бумагах. Она спрятала улыбку, прикоснувшись губами к прохладному бокалу.

– Позвольте поблагодарить за тот набор, что вы предложили мне на пляже, – произнесла Сюзан, отпив вина. – В тот момент это было действительно необходимо.

– Нет проблем, – улыбнулся он. – Я подумал, что в то утро вам нужно что-то приятное. Не лучшее начало дня – очнуться в сотне метров от найденного тела. – Он посмотрел на нее с таким искренним сочувствием, что Сюзан ступсывалась.

– Да, особенно после ночной смены на радио.

– Интересная, наверное, работа?

– Я не жалуюсь.

– А это правда, что в пятидесятые годы в США все радиостанции отключали на пять минут каждый час?

– Никогда не слышала об этом.

– Тогда не смейтесь. Они хотели уловить инопланетные сигналы. В то время считалось, что антенны способны улавливать послания из космоса. Строить отдельную радиоустановку для этого было не с руки, и они использовали уже существующие станции, веря, что можно получить весточку из космоса.

– Им это удалось? – улыбнулась Сюзан.

– Ну, раз за соседним столиком не сидит парочка зеленых человечков... – рассмеялся он и оглядел забитый под завязку паб.

«Вот оно! – мелькнуло у Сюзан в голове, когда она перехватила взгляд сержанта. – Вот как можно определить полицейского – по взгляду. Они видят мир иначе. Я вижу людей, а они – источники информации, потенциальных преступников, людей, которые окажутся в руках правосудия, стоит им преступить закон». Две девицы оглушительно захохотали прямо за стеклянной перегородкой, и Сюзан поморщилась.

– Простите, я выбрал не лучшее место для разговора. Но поверьте, в участке еще хуже.

– Дело не в этом, я просто редко выхожу в людные места... Знаете, я ведь даже не уверена, должна ли я быть здесь. Я уже дала показания, у полиции ко мне нет вопросов. Спросите, почему я согласилась встретиться с вами, боюсь, я не отвечу.

– Ну, в то, что я лично заинтересовал вас, – он смущенно потер шею, – я поверю с трудом, поэтому смею предположить, что вам просто любопытно.

– Любопытство. Я даже не подумала об этом. Ведь этого вполне достаточно – да, пожалуй, мне просто любопытно. В моей жизни мало необычного.

– Вы не похожи на скучающую домохозяйку, – подмигнул он ей.

– Я слишком тревожна, чтобы скучать, – рассмеялась она. – А скука – это удел спокойных людей.

Звон их бокалов присоединился к общему шуму, и Сюзан, сделав два глотка белого вина, почувствовала, как в груди становится теплее.

– Что это у вас? – она кивнула на бумаги, разложенные на столе.

– Копии дела Питера Бергманна. Я подумал, будет нелишним немного посвятить вас в детали. У меня к вам остались вопросы. Точнее, даже не к вам, а в общем. У меня есть вопросы к этому делу, – он крикнул. – И не один. Впрочем, сейчас я все объясню.

– Интересно. Можно взглянуть?

– Вы ничего не поймете, это мои заметки и копии полицейских отчетов. Завтра мы сделаем официальное заявление, поэтому я имею право кратко рассказать уже сейчас то, что вам наверняка пригодится.

– Пригодится для чего?

– Боюсь, вы недооцениваете важность своей личности в контексте данного события. Вы единственный человек, который был в непосредственной близости от места трагедии в ту ночь.

– Да, я знаю, – испуганно воскликнула Сюзан. – Но я спала! Разве можно быть свидетелем, находясь в забытии? Я и так последние дни как на иголках, только и думаю о том, что рядом со мной было совершено убийство. Это сводит меня с ума.

– Убийство? – он удивленно посмотрел на нее. – Нет никаких оснований полагать, что это убийство.

– Я сказала вам все, что знала. Я ничего не слышала и не видела, – она помедлила. – Хорошо, признаюсь вам, я подсматривала, когда уезжала. Остановилась на холме и смотрела на тело в объектив. Мужчина лежал лицом вниз. Простите, это настолько потрясло меня, что я не могу забыть такое зрелище. Но это все!

– Понимаю... Да, все верно. – Ирвин словно и не заметил ее смущенного тона. – Тело было найдено лицом вниз. Мужчина был полностью одет. Брюки, подвернутые так, словно человек боялся промочить их. Рубашка, белье, все насквозь мокрое, облепленное песком. Приливная волна накрыла его или вынесла из моря, мы не можем сказать точно до заключения судмедэксперта. Обувь стояла рядом, а на ней – его носки, аккуратно сложенные. С другой стороны – кожаная куртка. Его вещи выглядели очень опрятно.

– Но не его тело.

– Вы правы, – он задумчиво черкнул что-то в блокноте. – Его тело выглядело так, словно оно было... – он помедлил, пытаясь подобрать правильное слово.

– Опрокинуто.

– Пожалуй, это так.

– Но чем? Или кем.

– Возможно, как я уже сказал, приливной волной. Скорее всего, это несчастный случай. Мужчина мог войти в воду, потерять сознание и захлебнуться. Возможно, ему стало плохо. В любом случае мы не склонны строить догадки до финального заключения. Однако то, что нам уже известно из внешнего осмотра, вызывает недоумение.

– Что вы имеете в виду?

– На одежде покойного срезаны все бирки.

– Что вы сказали?

– Да, этикетки, которые обычно пришиты у воротника или сбоку по шву. Бирки, на которых указана компания-производитель. Они не сорваны и не истрепались от времени. Все до одной срезаны ножом или ножницами, очень аккуратно, ровно так, чтобы не повредить одежду, и так, чтобы название производителя нельзя было прочесть.

– И о чем это говорит?

– Это усложняет нашу задачу, так как по одежде мы часто можем определить, где жил человек. В некоторых странах та или иная одежда более популярна у определенных слоев населения. Не мне вам объяснять, что, например, Arnotts чаще выберут люди, ставящие качество и удобство покупки выше остального. Primark из-за низкой стоимости товаров предпочтет домохозяйка, у которой шестеро детей, или студенты, у которых не так много свободных денег. И так далее. Одежда человека говорит о многом. Вот вы, например, предпочитаете неброскую одежду.

– Не люблю привлекать внимания.

– Тем не менее на вашей груди брошь.

– И что это говорит обо мне? – улыбнулась Сюзан.

– Возможно, вы привыкли ставить преграды между собой и остальными, – сказал он в ответ. – Но о Питере Бергманне мы ничего не можем сказать по его одежде. Не можем узнать, ни какие бренды предпочитал погибший, ни к какому социальному классу относился.

– А его обувь?

– С обувью все ясно – это черные кожаные туфли английского бренда Marks & Spencer. Проблема в том, что данный магазин можно найти в любой стране Евросоюза и практически во всем мире. Нам ничего не дала эта находка.

– Вы не думали, что, возможно, этот человек бездомный? Может, поэтому его никто и не ищет?

– Мы рассматриваем эту версию тоже. Пока она не подтверждается. Одежда довольно поношена, но она опрятна, даже аккуратно. Пуговицы крепко пришиты, обшлага не затерты, обувь не стоптана и покрыта защитным кремом.

– Возможно, он был туристом... – предположила Сюзан.

– Кем бы он ни был, он умел следить за своим внешним видом. А то, как сложил носки и куртку, показывает, что для него были важны личные вещи. Посмотрите сами, – он протянул ей один из листов, и Сюзан увидела черно-белый снимок. Черная пара обуви, самая обыкновенная кожаная пара ботинок. Первое, что бросилось ей в глаза, – эта обувь должна была быть очень удобной. Такую предпочтет человек, который любит долго ходить пешком и не испытывать при этом дискомфорта. Носки лежали поверх, бережно сложенные пополам и слегка заправленные.

– Погодите, но как...

– Вас интересует, как они могли остаться нетронутыми во время прилива?

– Да, именно об этом я и подумала в первую очередь.

– Это загадка номер два.

– Зачем человеку, кем бы он ни был, срезать этикетки с одежды, а затем разуваться на пляже и оставаться там до прилива?

– Вы смотрите прямо в корень, Сюзан.

– Позвольте взглянуть на... него? – голос ее дрогнул, но она уверенно протянула руку за отпечатанными на принтере снимками. Их было два: один, на котором мужчина лежал лицом вниз, – увеличенная версия того, что она видела в объектив камеры в день страшной находки. И другой, где Питера Бергманна снимали уже в морге. Чуть одутловатое и в то же время худощавое лицо, запрокинутая голова на металлическом столе произвели на нее гнетущее впечатление.

ние. На снимке были видны темноватые участки, появившиеся, по всей видимости, уже после смерти. Сьюзан почувствовала приступ дурноты, осознав, что это были ранние трупные пятна. Она поспешила отдать снимок Ирвину и сделала большой глоток из своего бокала. Это не помогло. Лицо мертвеца так и осталось стоять у нее перед глазами.

– Не стоило вам на это смотреть.

– Все в порядке. Продолжайте.

– Мужчина был босиком. Как вы, наверное, заметили, носки были аккуратно сложены пополам и каждый положен на соответствующий ботинок. Правый – на правый, левый – на левый. Его куртка располагалась с другой стороны от тела. Тоже аккуратно сложенная и по какой-то причине вся засыпанная песком.

– Возможно, та же приливная волна?

– Приливная волна сдвинула бы все вещи. Однако ботинки стояли ровно, мысками к воде, и остались непотревоженными.

– Но если человеку стало плохо, он не станет аккуратничать, не так ли?

– Смотря что предшествует чему. Если мужчина смотрел на закат, сняв обувь для удобства, вероятно, он мог просто упасть рядом, как только его сердце остановилось.

– Были еще какие-то личные вещи?

– Обнаружены пузырек с аспирином и наручные часы, а в кармане нашлись сорок евро.

– И это все?

– Да. Ни документов, ни сотового телефона, ни чеков за парковку или талона на автобус. Ни бутылки воды, хотя днем обычно жарко. – Он потянулся за бокалом с пивом, но тот почти опустел. Сьюзан и не заметила, что и свой она тоже опустошила.

– Хотите еще выпить? А потом можем и перекусить, – услышала она и кивнула. Сержант Дэли поднялся и пошел к барной стойке за новым заказом. А когда вернулся, Сьюзан приняла наполненный доверху бокал с вином и произнесла:

– Что ж, по крайней мере, у вас есть его имя, а это уже половина дела!

Сержант Дэли поднял свой бокал и, чуть склонив голову, ответил:

– И здесь мы подобрались к самой главной загадке, Сьюзан. Мы проверили базы пропавших без вести по всей Ирландии, сделали запрос в таможни и во все полицейские участки страны. И на основании оперативно полученных данных могу сказать вам точно: в Ирландии не проживает и никогда не проживал ни один человек с именем Питер Бергманн. Кем бы ни был мужчина, найденный нами на пляже, совершенно точно он не тот, за кого себя выдавал.

VI

Она открыла глаза и, несмотря на плотно задернутые шторы, почти сразу ощутила тяжесть в глазных яблоках. На лбу и щеках выступили капли пота, руки холодные и словно чужие. В ногах не ощущалось никакой силы. Безвольная тряпичная кукла.

Если бы кто-то мог увидеть ее со стороны, лежащую в постели, глядящую в пустой потолок без люстры, наверняка подумал бы, что Сюзан планирует свой день. Возможно, размышляет, сделать ли ей генеральную уборку или лучше подрезать кусты в саду. А может, вызвать электрика, чтобы проверил наконец пожарные датчики и дом стал безопаснее. Но проблема была в том, что Сюзан просто не смогла бы найти в себе силы для подобных подвигов.

Как же она завидовала людям, в которых кипела энергия! Где они берут столько сил, как восстанавливают тот ресурс, который безрассудно тратят на праздные развлечения вроде поездок за город, игры в мяч или пробежку? Последние годы все ее силы уходили на поддержание слабого внутреннего огонька, тлеющего остатка костра.

Справедливости ради надо сказать, что в детстве все было иначе. Она помнила, как легко ей давались и как много радости приносили вылазки на природу с матерью и отцом – чаще с ним, конечно. Она даже умудрялась готовить походное снаряжение и нехитрый завтрак – варила яйца, нарезала бутерброды, заваривала крепкий сладкий чай, чтобы не замерзнуть в окрестностях Страндхилла. Сюзан не уставала после таких походов. Ей хватало сил, чтобы, вернувшись, сесть за уроки, а потом читать или даже делать уборку. Как же получилось, что в тридцать два года она чувствует себя старше собственной матери, которая в ее годы занимается хозяйством и вдобавок ведет светскую жизнь?

Словно в подтверждение своим мыслям, она услышала, как внизу в замке по-хозяйски заскрежетал ключ, а потом хлопнула входная дверь.

Сюзан не успела даже встать с постели, как ее мать заглянула в приоткрытую дверь. Короткая стрижка, легкий макияж модных оттенков, белая ветровка и брюки – она могла бы служить образцом в каталоге модной одежды. Легкий аромат духов с нотами лемонграсса впахнул в комнату вместе с женщиной.

– Доброе утро, милая, – с извинением в голосе произнесла Астор.

– Доброе, проходи. Я уже собиралась вставать, – зевнув, заставила себя улыбнуться Сюзан. – Разве мы договаривались на эту субботу? Не могу вспомнить.

– Не договаривались, я просто решила забежать, кое-что отдать тебе. Позволь, я открою окно пошире, на улице такая благодать! – Не дожидаясь разрешения, Астор распахнула шторы, впуская в комнату солнечный свет, ароматы летнего города и крики чаек.

– Когда ты меняла постельное белье, милая? – неодобрительно воскликнула Астор, крутанувшись на каблуках в залитой солнцем комнате, обзревая и, конечно же, замечая все несовершенства в виде невытертой пыли, покосившегося плафона прикроватной тумбочки и отнюдь не сияющего чистотой настенного зеркала. Увидев выражение лица дочери, она осеклась и поспешила сменить тему: – Киллиан еще спит?

– Думаю, да. – Сюзан откинула покрывало, понимая, что валяться дальше уже не получится.

– Как его успехи в школе?

– Неплохо. Но с ним никогда нельзя знать наверняка.

– Ты должна потерпеть, дорогая. У этого мальчика тяжелый путь, и он все еще не преодолел его. – Астор принялась поднимать с пола разбросанную одежду, аккуратно складывая ее так, как умела только она.

– Я стараюсь как могу, – чуть более резко, чем намеревалась, ответила Сюзан, вылезая из постели.

– Я знаю, что ты не любишь говорить об этом, словно ты сделала какую-то ошибку, приютив его, но поверь, ты поступила правильно. А то, что он такой колючий, так ведь все дети такие, просто кому-то хватает воспитания это скрывать.

– Я никогда не думала, что это ошибка, с чего ты взяла?

– Дети дичают, если не любить их насильно.

– Любить насильно? Звучит очень странно, ма... Ладно, давай обойдемся без споров с утра. Я не думаю, что ты приехала прочитать мне лекцию о воспитании приемных детей.

– Ну разумеется нет. Пойдем вниз, мне очень хочется выпить с тобой кофе. Ни в одной кофейне Слайго не готовят его так вкусно, как в твоём доме.

– Ну хоть что-то я умею делать хорошо, – беззлобно хмыкнула Сюзан, подтягивая пижамные штаны. – Так что ты принесла?

Через несколько минут, когда они спустились по лестнице и мать развернула пакеты, Сюзан увидела четыре мотка белой пряжи для вязания крючком.

– Что это? – ошарашенно спросила Сюзан.

– Не узнаешь? – воскликнула Астор. – Ты же хотела снова начать вязать, вот я и подумала, что пора наконец-то взять в руки крючок и вспомнить былые навыки, ведь ты была настоящая мастерица! Ты могла бы примкнуть к одному из этих вязальных клубов – кажется, в Слайго есть парочка. Они ездят по окрестностям в поиске вдохновения. Почти как художники. В детстве ты очень это любила!

– Детство давно прошло... Но откуда эти мотки, ма?

– Разбирала чулан под лестницей и нашла. Ума не приложу, как они сохранились спустя столько лет. Ты перестала вязать лет в пятнадцать?

– Да, примерно тогда. Я не понимаю, с чего ты взяла, что мне это теперь интересно. Я не смогу вспомнить ни одного узора.

– Это только так кажется, дорогая. Ведь эти пальцы творили такую красоту... – она нежно взяла дочь за руку. – Уверена, что ты легко вспомнишь забытое.

– А ты не теряешь надежды сделать из меня домоседку, – буркнула Сюзан. – Нашла там что-нибудь еще? В чулане.

– Хочешь знать, было ли там что-то из вещей отца? – осторожно спросила Астор. – Нашла альбом с его старыми фотографиями. Там он еще с волосами и худой как щепка. Не знаю, видела ли ты их, при переезде с вещами твoriлась настоящая неразбериха.

– Принеси их в следующий раз, хорошо? Хочу еще раз увидеть, каким он был в то время.

– Почти таким же, как и всегда. Только моложе, – она погладила Сюзан по плечу. – Ты уж прости, что я без звонка вот так заявила. Могла бы прийти позже, но в одиннадцать у меня ланч с Клубом любителей фотографии, и я хотела все успеть.

– Клуб любителей фотографии, – задумчиво произнесла Сюзан. – Как тебе это удастся?

– Удастся любить жизнь несмотря ни на что? Это совсем не сложно. Каждый это умеет. Ты тоже.

– Идешь с Дугласом?

– Да, а что, ты против?

– Ну что ты, просто никак не возьму в толк, почему ты вообще общаешься с ним. Он же насквозь фальшивый, одни его крашенные волосы чего стоят!

– А с кем мне ходить, по-твоему? Он мой компаньон – если вдруг тебе неприятно думать о нем как о моем спутнике. Не так-то легко найти себе пару в моем возрасте, не забывай и об этом, пожалуйста. Ты ведь всегда занята, да и не очень-то любишь общаться. Хотя у тебя есть фотоаппарат, могла бы все же к нам присоединиться.

– Ну уж нет, фотограф из меня никудышный.

– Может, тогда хочешь посмотреть, что я сняла на днях?

– Да, конечно, но давай для начала приготовлю кофе.

– Только не очень крепкий.

Когда напиток был готов, Сюзан достала печенье и разлила кофе по чашкам. Бодрящий аромат наполнил кухню, и, присев за стол, Астор достала камеру Nikon из специальной сумочки. Внутри блеснула пара сменных объективов для различных типов съемки. Кажется, ее мать всерьез взялась за новое хобби: из новичка-любителя она того и гляди превратится в профессионала, подмечающего мельчайшие детали, умело подбирающего ракурс и композицию кадра.

Щелчок – и перед Сюзан возникла вереница чарующих пейзажей Слайго и его окрестностей, снятых, как ей показалось, уже опытным фотографом.

– У тебя хорошо получается! – искренне восхитилась Сюзан. – Вот этот кадр особенно хорош, где это?

– Недалеко от Россес-Пойнт. Я ездила туда на днях.

– Когда ты там была? – встрепелась Сюзан.

– Кажется, двенадцатого, а что?

Вместо ответа Сюзан схватила фотокамеру матери и принялась лихорадочно листать снимки. Первыми шли те, что были сделаны по дороге в Россес-Пойнт. Дорога, серое драповое полотно, бегущее вдоль побережья, океанский горизонт, снятый со смотровой площадки, пара играющих собак на заправке, овцы, пасущиеся на выгоне за деревянным ограждением, с любопытством глядевшие прямо в объектив.

Наконец пошли кадры из самой деревушки. Улица для променадов с яркими фасадами домов, рыбаки, разматывающие удочки, улыбчивая женщина, выгуливающая трех хаундов на одном поводке. Ничего особенного, хоть и снято с большим старанием и любовью. Сюзан искала нечто другое.

Пошли вечерние кадры. Мать, позирующая на фоне маяка с ярко раскрашенным человечком из металла, убегаящая вниз по склону дороги, окруженная фонарными столбами, и наконец то, чего так ждала Сюзан. Пляж Россес-Пойнт: десятки снимков, словно мать пыталась уловить заходящее солнце и запечатлеть все оттенки, которыми оно одаривало благодарную публику на пляже.

– Что ты хочешь найти, дочка?

– В тот день было таклюдно?

– О да, не протолкнуться, сама удивилась. Все лавочки были заняты, пришлось сесть прямо на песок, чтобы поснимать закат...

– Вот он! – выкрикнула Сюзан и почувствовала, как задрожали ее руки.

– Кто? – в недоумении посмотрела на нее мать.

– Вот же он идет, Питер Бергманн, здесь он еще живой, бродит по побережью, и никто на него даже не смотрит. Эта одежда, та же самая, не могу поверить!

– О ком ты говоришь?

– Да о Питере Бергманне, мам, ты разве не слышала? Имя ненастоящее, но это не важно. На пляже нашли его тело, как раз 13 июля – наутро после того дня, когда ты была там. А накануне вечером ты его сняла на свою камеру. Понимаешь, что это значит?

– Покажи мне, о ком ты?

– Да листовки с его лицом расклеены по всему Слайго! Неизвестный мужчина, он лежит сейчас в морге, и никто не объявляется, чтобы забрать тело. Бог мой, не могу поверить, он здесь такой... Такой одинокий. Посмотри, мам, его плечи так ссутулены, словно он несет на себе груз всего мира.

– Не вижу ничего особенного в его осанке, многие люди так ходят. Мой отец ходил точно так же.

– Здесь плохо видно его лицо, но вот на этом снимке... Какая удача, что ты сняла его не против солнца, и вдобавок нажала на спуск затвора именно в это мгновение. Еще секунда, и он бы вышел из кадра. Это точно он, нет никаких сомнений. Нужно позвонить.

Сьюзан почти выбежала из кухни и через минуту вернулась с сотовым телефоном.

– Ирвин будет рад, когда я покажу ему это.

– Кто такой Ирвин и почему ты хочешь звонить ему?

Вместо ответа Сьюзан выбрала из списка контактов нужное имя и нажала кнопку «Соединить».

* * *

– Недавно это снова случилось.

– Расскажите об этом.

– Я не уверена, что это была паническая атака. Ощущения не были похожи на те, что я привыкла наблюдать. Я испугалась, потому что ничего плохого не предшествовало этому приступу. Даже наоборот.

– Где это случилось и при каких обстоятельствах, Сьюзан?

– Самый обычный вечер. Меня пригласил сержант Дэли, дело в том, что я прохожу свидетелем по одному делу. Возможно, вы слышали о нем – неопознанный мужчина на пляже.

– Мистер Бергманн. Да, я слышала.

– Так вот. Он пригласил меня в паб, чтобы обсудить детали дела. Все было хорошо, мы выпили пару бокалов, я пила вино, Ирвин – пиво. Мне было так спокойно, впервые за долгое время. Не знаю, почему мне было так хорошо, обычно я нервничаю в присутствии малознакомых людей. Но с ним все иначе. То, как он говорит... Его манера речи очень уверенная, словно ему все известно и он не боится никаких случайностей. Словно ему все по плечу.

– Продолжайте.

– А потом он предложил заказать что-нибудь поесть. К тому времени и я проголодалась, поэтому легко согласилась. Мы заказали сосиски и пюре. Хотя, наверное, неважно, что мы выбрали.

– В процессе терапии нет неважных подробностей. Я слушаю.

– Когда принесли еду, я ощутила зверский аппетит. Официантка была приветливой, шутила и болтала, пока раскладывала приборы и ставила тарелки. И вот она ушла, мы приступили к трапезе. Я взяла вилку и наколола одну колбаску, стала жевать ее, и именно в тот момент на меня накатила тошнота. Как будто изнутри свела судорога, будто все внутренние органы сжались в один комок. Это не была тошнота, связанная с едой, вовсе нет. Не то ощущение, когда пища невкусно пахнет – или что-то подобное. Нет, это была дурнота, вызванная страхом.

– Что именно вас напугало, вы можете ответить?

– Это была не простая паника, но в то же время чувство показалось смутно знакомым, словно когда-то давно я это уже ощущала. Это длилось не так уж долго, минут десять, но, честно говоря, эти минуты показались мне вечностью. Мне стало очень страшно. Будто со мной происходит то, что я совсем не могу контролировать, как если бы мое тело мне не принадлежало.

– Понятно... Скажите, Сьюзан, вы обращались к другим специалистам до меня?

– К нескольким, но мы не сошлись характерами, скажем так.

– Такое бывает. Вот что я вам скажу. Вы можете прислушаться ко мне, а можете не соглашаться. Но вот как вижу это я. То, о чем вы сейчас рассказали, это, вероятнее всего, приступ дереализации. Он, в принципе, согласуется с тем, к чему мы пришли с вами ранее. Вы считаете, что у вас сильный страх воды. Вы живете у океана, но тем не менее – страшитесь его. Однако я пришла к выводу, что все гораздо глубже. В вас сидит не страх воды, а страх смерти,

вызванный гибелью отца. В общем-то это два страха, объединенных в один. Вы не боитесь воды как таковой, но боитесь того, на что она способна. Если говорить научными терминами, у вас классическая танатофобия, маскирующаяся другим, более понятным вам страхом воды.

– Но я же ирландка!

– В первую очередь вы человек. Общая психическая угнетенность, нервозность, апатия – все это признаки вялотекущего процесса, который, если не углубляться в терминологию, имеет под собой одну-единственную основу. Вы боитесь смерти. Это вполне естественный страх, более того, он фундаментален. Каждый человек в той или иной степени несет в себе зачатки этого чувства. Кто-то принимает его, кто-то вуалирует, уходя в загул и загружая себя работой так сильно, чтобы только не осознавать его. В вашем случае страх смерти выливается в отрицание покоя. Из моих наблюдений, панические атаки, которые случались с вами, происходили именно в моменты приятного времяпрепровождения. Во время отхода ко сну, прогулки с сыном, пробуждения или, например, ужина с детективом, о котором вы рассказали.

– Сержантом.

– Сержантом. Вы сказали, что вам было хорошо.

– Да, вечер был невероятно приятным, как и компания.

– Именно. Ощущение покоя – это состояние, близкое к засыпанию. То чувство, когда части тела расслабляются, мысли становятся слабо выраженными, неявными, все ощущения притупляются. Этот период – период засыпания – он очень похож на смерть. Так же как и периоды удовольствия – моменты, когда вам хорошо. В такие минуты вы словно отгораживаетесь от всего плохого, позволяете себе расслабиться, перестать беспокоиться. И этот самый момент ваше тело считывает как сигнал опасности.

– Но почему?

– Потому что оно боится без вас, без связи с сознанием. Когда вы сами не осознаете страх, тело, в порыве чувства самосохранения, кричит: «Нельзя расслабляться, иначе конец!» Это словно сбой в программе – неверное истолкование естественных ощущений. Чтобы вам было понятно, я проведу аналогию. Если подставить руку под очень горячую воду, под кипятки, то в какое-то мгновение вам покажется, что ваша рука находится под ледяной водой. Разумеется, это лишь мгновение. Я хочу сказать, что нашему телу свойственно ошибаться.

– Мое тело тоже ошибается?

– И да и нет. У вас была психологическая травма. В период жизни, когда подростку необходимо ощущение защищенности, уверенности в завтрашнем дне. Именно тогда один из ваших ближайших родственников – отец – покинул этот мир. Подытоживая все вышесказанное, Сюзан, я настаиваю на продолжении лечения вашей фобии, но в другом ключе.

– Каком именно?

– Мы попытаемся с вами умереть. Это только звучит страшно. На самом деле это метод телесной терапии, своего рода массаж, но не тела, а его тонкой части – души или того, что мы привыкли называть душой. Самосознание, самоощущение – на все это подобные сеансы воздействуют как лечебный бальзам, расслабляя и давая принять ощущение смерти, пережить его.

– Но я не хочу умирать, даже понарошку.

– Помните, как в детстве мы играли в дочки-матери, устраивали чаепития – подобный способ, проигрывание ролевых моделей, позволяет человеку заранее сформировать модель поведения, опробовать ее на будущее. Ощувив признаки смерти на себе, познав состояние полного покоя, совершенно не свойственного человеку в обычной жизни, – ведь даже сон не дает нам его, – мы принимаем саму смерть. Принимаем, оставаясь живыми.

* * *

– Добрый вечер всем, кто только что присоединился к нам на океанской волне «Слайгоу». Сегодня нас ждет еще одна длинная ночь, наполненная историями, которые интересно слушать.

Меня зовут Сьюзан Уолш. Обычно я работаю ночью, веду прямые эфиры на радио, а в дневное время чаще всего сплю. Мой сын знает, что, только если не произошло нечто из ряда вон выходящее, меня лучше не беспокоить. И те из вас, кто работает в ночную, не дадут соврать: день – это единственное время, когда можно поспать и набраться сил для следующей смены.

Но вчера я изменила своим привычкам. Было кое-что, не дававшее мне покоя, да так, что я просто не смогла отключиться и заснуть. Угадайте, чем я занималась? Весь вчерашний день я пробыла в архиве городского библиотечного фонда Слайго. Вы спросите меня, что я искала среди сотен страниц старинных рукописей и книг? Я отвечу. Помните Бриду – одну из наших радиослушательниц, которая звонила несколько дней назад? Я хорошо запомнила ее, потому что именно Брида посеяла во мне желание покопаться в прошлом и узнать подробности легенды о моряке, захороненном на пляже Россес-Пойнт, когда-то носившем название «Приют мертвеца».

Я хотела узнать, что из этой известной истории случилось на самом деле, а что обросло вымыслами за долгие десятилетия. Забегая вперед, скажу, что никакого отношения к капитану Блэк Джеку тот случай не имеет. Человек, захороненный на «Приюте мертвеца», был самым обычным моряком. Это трагическое предание, но оно часть нашей с вами истории. Мы должны знать прошлое, не бояться заглянуть в него, чтобы лучше понимать самих себя, понимать причину тех или иных поступков, осознавать, кем мы со временем стали.

Итак, 1756 год. В бухте Слайго на якоре стоит торговый галеон, прибывший из Нидерландов. Вероятно, он был построен на совесть, как и все голландские суда того времени: с балконами, изысканной резьбой, жилыми помещениями и бойницами. Он был способен выдержать бури и непогоду, долгие переходы и вражеские атаки. Иными словами, великолепный образец торгового мореплавания своей эпохи.

Путь галеона лежал из Нидерландов к берегам Норвегии, с заходом в порт Корка. Это был большой корабль, который, отправляясь из родной судовой верфи, доверху заполнил свои трюмы драгоценными тканями, луковицами тюльпанов, древесиной, специями и ценными предметами утвари.

Капитан галеона волнуется из-за вынужденной задержки у берегов Ирландии. Каждая минута на счету, нужно спешить, ведь промедление не только принесет убытки компании-владельцу, но и привлечет пиратов, которых тогда было не счесть в Атлантическом океане. Да, такой галеон был бы ценнейшим трофеем, поводом для гордости в их послужном списке, – нельзя было допустить подобного развития событий. Поэтому вся команда во главе с капитаном торопилась поднять якорь и отплыть побыстрее.

Но, к сожалению, они не могли этого сделать. Штурман галеона, старый морской волк, проходивший в океане большую часть жизни, стремительно угасал, подхватив неведомую болезнь. Ее признаки были пугающими: лихорадка, испарина, невыносимая боль в животе – симптомы брюшного тифа, от которого в то время не было спасения. К несчастному боялись подходить. Капитан, скрепя сердце, приказал не отплывать от берега с источником заразы на борту. Нужно было срочно принять судьбоносное решение, пока болезнь не перекинулась на всех, кто находился на корабле.

Так и вижу, как бедняга, этот несчастный изгой, лежит в своей каюте в свете керосиновой лампы, тускло освещающей его истерзанное лицо. Вероятно, кожа его была так обезво-

жена, что казалась прозрачной. О чем думал этот несчастный в минуты, предшествовавшие его смерти? Кто знает, способен ли он был размышлять или его рассудок помутился от смертоносного токсина. А может, его сердце страдало, противясь неизбежному – что ему больше не услышать скрип соснового рангоута и гулкие порывы парусов, не ощутить на лице утешающие на закате брызги Атлантики. Умирать всегда непросто. Но умирать, когда в ушах еще не стих милый сердцу зов океана, труднее вдвойне.

Наконец, капитан принимает решение. Ему, как и всем на борту, было очевидно: оставлять источник заразы на корабле – смерти подобно. Он приказал матросам спустить шлюпку на воду и погрузить туда еще живого штурмана. Могу только догадываться о том, что испытывали салаги, которым пришлось проделывать это с едва живым соратником, с которым у них наверняка сложились добрые отношения за годы, проведенные под парусом.

Они гребли изо всех сил, ведь в запасе у них была всего пара часов. Близился отлив, и грести было труднее обычного, но ими двигал страх, что неведомая болезнь перекинется и на них, страх, что капитан, расчетливый и ответственный, попросту снимется с якоря и уведет корабль без них.

Они высадились на берег, в то время – просторную пустошь, где еще не вырос Эльсинор Хаус, по слухам, построенный самим Блэк Джеком. А в то время – свободная плодородная земля, изумрудный отрог, нетронутые пастбища, готовые принять в свои недра все что угодно.

Одним из таких даров и стал бедный штурман. Он был еще жив, когда матросы плыли, налегая на весла, он был все еще жив, когда они выгружали его на берег, в панике оглядываясь на корабль, боясь оказаться брошенными. И он был еще жив, когда матросы закапывали его в землю. Их совести хватило на то, чтобы не бросать бывшего друга на чуждой, голой земле. Но ее не хватило на то, чтобы дожидаться, пока он сам отдаст Богу душу. Пока пробьет его положенный час. Да, это страшное осознание, но штурмана торгового галеона закопали живьем. Скорее всего, он умер от того, что, погребенный под тяжестью земли, просто не смог сдвинуться с места и задохнулся.

Моряки, перед тем как закопать своего собрата живьем, вложили ему в руку кусок хлеба. Мне неизвестно, зачем они это сделали, возможно, это часть какой-то другой древней легенды.

История умалчивает о том, какое имя носило судно, никто не помнит, как звали погибшего штурмана и где точно находится место его захоронения. Неизвестно, заразились ли остальные моряки или то была единичная вспышка, которая так и не коснулась остальных. Но этот жест милосердия – живых умирающему – говорит о том, что люди терзались необходимостью прощания с умершим, не смогли просто выбросить за борт своего товарища, оставить его умирать на берегу. Даже под угрозой собственной жизни они позаботились о нем, соорудили могилу, установили надгробный крест, прочитали молитву. Пусть страшным образом, но они сделали все, чтобы он ушел с достоинством, чтобы память о нем не потонула в веках.

Едва ли они могли предположить, что их поступок много десятилетий спустя породит легенду, а место упокоения останется в истории как «Приют мертвеца».

Я бывала в том месте. Сейчас там пирс, и едва ли что-то напоминает о давнем происшествии. Но океан, величественный берег – все это осталось неизменным.

И, думая об океане, я понимаю, что и жизнь, и смерть берут начало из воды, а мы лишь подчинены ей. Мы преклоняемся перед силой океана и благодарим за возможность питаться его дарами, помня о том, что зародились в нем маленькими клетками, простейшими организмами, которым было суждено пройти длинный путь, прежде чем обрести сознание и способность взглянуть на океан с позиции человека. Именно океан дал нам силы стать теми, кем мы являемся сегодня.

Почему нас так тянет к нему? К истокам жизни, где по сей день слышится могучее пение, внушающее тревогу и восторг. Хотим ли мы услышать знакомый гул, низкий, почти утробный,

словно мы слышим опустевшее чрево матери, которое когда-то покинули? А войдя в его воды, ощущаем вибрацию, будто каждая капелька проходит сквозь тебя и наполняет силой.

Мы – люди воды. А вещество всегда тянется к себе подобному, чтобы слиться. Мы обречены вновь и вновь возвращаться туда, откуда пришли.

Что это, если не тоска по дому?

Я благодарю Бриду, жительницу Россес-Пойнт, за то, что напомнила всем нам, что ничто не появляется из ничего.

VII

Телефонный звонок от сержанта Дэли раздался в тот самый момент, когда Сьюзан, сидя на постели, угрюмо сражалась с завитками нитей и крючком, тщетно пытаясь воспроизвести форму кружев Клонс³. Ей не верилось, что когда-то она легко создавала изящный узор салфеток и платков, которые мать дарила соседям на праздники. Не просто повторяла уже существующие мотивы, но и создавала свои собственные: неведомые цветы, изысканные паутинки, волны и лепестки.

Сейчас от бывшего вдохновения не осталось и следа. Отбросив рукоделие, она с радостью ухватилась за трубку, а следом и за приглашение сержанта встретиться в отеле Слайго через два часа.

Городской отель – небольшое четырехэтажное здание с современными декоративными элементами поверх старой кирпичной кладки – был центром притяжения для жителей Слайго. Он стал не только визитной карточкой города, но еще и удобным информационным пунктом для решения многих вопросов. Здесь можно было взять напрокат снаряжение для хайкинга, арендовать автомобиль для вылазок за город, вызвать службу спасения или заказать экскурсию, провести деловую встречу или посидеть в небольшом букинистическом кафе с чашкой кофе.

Сьюзан пересекла уютно освещенный холл и вошла в застекленное кафе, расположенное в дальнем углу фойе. Она сразу заметила сержанта, сидящего за столиком в окружении полок с книгами. Он был в полицейском обмундировании и выглядел сосредоточенным.

– Спасибо, что пришли. Надеюсь, я не отвлек вас от важных дел, – поднял он голову от телефона, который держал в руках. Чисто выбритое лицо, белая рубашка, уже знакомый Сьюзан чуть терпкий запах одеколона. Похоже, он действительно считал частью своей работы безупречный внешний вид.

– В контексте того, чем я занималась в тот момент, когда вы позвонили, ваше приглашение – это спасательная операция, – Сьюзан села напротив. – Моя мать не теряет надежды получить изысканный подарок ручной работы на Рождество – по-видимому, покупные ее не привлекают. Я занималась кружевами.

– Ах вот как! Моя бабушка очень хорошо умела их плести. Уверен, будь она жива, непременно научила бы вас парочке трюков.

– Как мило.

– Это очень благородное занятие, учитывая, что именно кружева спасли Ирландию во времена Великого голода⁴.

– А вы много знаете о кружевах! – подняла брови Сьюзан.

– Только факты. Например, что в Ирландии родилась идея вязания крючком отдельных компонентов. Мастерицы продавали не готовые изделия, а разрозненные узоры, которые потом можно было сплести вместе хоть в скатерть, хоть в воротник. Они продавали так много, что Ирландия сумела победить Великий голод. Раньше умение делать кружева было не прихотью, а вопросом жизни и смерти.

– Откуда такие познания? – изумилась Сьюзан.

– Я был в близких отношениях со своей бабушкой, – он тепло улыбнулся. – Она умела так интересно рассказать обо всем на свете, что я порой предпочитал ее общество прогулке с друзьями.

³ Кружево Клонс стало популярным в середине XIX века. Оно получило свое название в честь города на севере Ирландии, где Кассандра Хенд, жена священника, открыла школу для юных мастериц.

⁴ Ирландский картофельный голод произошел в 1845–1849 годах. Изначально спровоцированный заражением картофельных посевов, кризис усилился из-за неблагоприятной экономической обстановки. В результате около миллиона человек погибли и примерно столько же покинули страну.

– Мне жаль, что я не имею возможности узнать ее поближе.

Ирвин Дэли кивнул и огляделся, окидывая взглядом случайных посетителей за соседними столиками.

– Вы упомянули разрозненные детали кружев неспроста? – произнесла Сьюзан.

– У вас отличная интуиция. Я позвал вас сюда, чтобы обсудить показания администратора, который заселял Питера Бергманна в отель. Так сказать, прочувствовать обстановку.

– Вот где, значит, он провел свои последние дни.

– Да. Как оказалось, сотрудники не спросили его документы. И, по-видимому, именно поэтому он и выбрал этот отель.

– Но разве при заселении их не требуют?

– Это прямая обязанность администрации! И она весьма смущена своим промахом, так мне показалось. Теперь, когда этот факт всплыл в таком неприятном деле, они спохватились. Я сам видел, как они не пускали нового постояльца, пока тот не предъявил паспорт. К сожалению, в нашем случае Питеру Бергманну поверили на слово и записали его под тем именем, которое он назвал. По закону они не имеют права на подобные вольности. А по факту – такое происходит сплошь и рядом. Что поделать, поток туристов в летнее время велик, за всеми не уследишь, а наполняемость отеля должна быть максимальной. Это неприятная практика, но она существует повсеместно.

– Получается, что никто не видел его документов.

– Именно. Он мог назвать любое имя.

– Но почему-то назвал именно это. Питер Бергманн... – она задумчиво повертела локон на пальце. – У меня ощущение, что оно что-то мне напоминает. Даже не само имя, а фонетическое сочетание, буквенное и словесное. Ритмика слов мне знакома...

– Вы так чувствительны к языку?

– Я изучала языкознание в институте. Фонетика была моим любимым разделом. Наверное, потому, что она – единственная из языковедческих наук, чья природа почти материальна. Мы слышим вибрации, передающиеся воздухом, и они влияют на нас тем или иным образом.

– Любопытно, вы полюбили фонетику до того, как осознали чарующую магию своего голоса, или после? – Сержант с интересом посмотрел на Сьюзан и, заметив ее смущение, поторопился вернуться к теме. – Да, как я сказал, в этом деле, боюсь, мы ловим птицу за хвост, а в руке – лишь перья. Питер Бергманн ускользает от нас, опережая каждый раз на один маленький шаг. Мы только-только узнали его имя, но оно оказалось фальшивым. Узнали его адрес, но снова промах.

– Что вы имеете в виду?

– Питер Бергманн не только заселился под вымышленным именем. Он также назвал несуществующий австрийский адрес: Вена, Айнштеттерн, 15. Мы сделали запрос в Вену, по этому адресу нет жилых домов уже шестнадцать лет. Там находится пустырь.

– Ах вот как...

– Да, его личность рассыпается на глазах. Мы знаем лишь то, как он выглядел. Администратор описал его как седовласого, высокого человека с голубыми глазами примерно шестидесяти пяти лет. Он держался очень отстраненно, был немногословен, неэмоционален. После регистрации сразу прошел в свой номер. И с того момента за все три дня, которые провел в отеле, он ни разу ни с кем не говорил. Игнорировал постояльцев, обслуживающий персонал. К нему не приходили посетители, и даже в курительной комнате он ни с кем не перекинулся словом. От уборки в номере он тоже отказался.

– Похоже, он приехал сюда по важному делу.

– Кто знает, многие путешественники ищут уединения.

– Вы правы...

– Мужчина неплохо говорил по-английски. Вот только акцент у него был не ирландский или английский, а центральноевропейский. Возможно, немецкий или австрийский, администратор не смог сказать точнее.

– Если так, тогда он мог приплыть на пароме, вместе с остальными туристами из Европы. Ведь туристы проходят морскую таможню?

– Мы проверили и их данные тоже. Разумеется, искали не только по имени, но и по фото с камер наблюдения. Человека с такой внешностью и именем в списке прибывших на пароме граждан не оказалось. Похоже, Питер Бергманн просто ниоткуда появился в Слайго девятого июля, чтобы погибнуть в ночь с двенадцатого на тринадцатое.

– Я пытаюсь сложить в голове картину произошедшего, – Сьюзан поднялась из-за столика. – Позвольте, я возьму кофе. С ним мне думается легче.

Через пару минут она вернулась с двумя чашками, протянула одну Ирвину, села на свое место и, отхлебнув горячий напиток, продолжила:

– Итак, некий мужчина, около шестидесяти пяти лет, приезжает, приплывает или как-то иначе попадает в Слайго и заселяется в городской отель. Он не предъявляет документов, но называет вымышленное имя и адрес, администрация верит ему на слово, и он получает ключи от своего номера. Питер Бергманн живет в отеле три дня и выселяется ровно в тот день, в который погибает.

– Все так.

– Кроме того, смерть застает его не в Слайго, а в Россес-Пойнт, что в семи километрах. Но это выглядит как-то... несуразно. Зачем он выселился именно в день собственной смерти? Словно он знал, что умрет в тот день. Но разве можно предугадать собственную смерть?

– Это хорошее замечание, – сержант Ирвин черкнул что-то в блокноте. – Я добавлю, что в тот день он попросил о *позднем* выселении.

– Словно он что-то не успел сделать?

– Кто знает. Как бы то ни было, теперь это дело переходит из внутренних во внешнее. Мы сделали рассылку с полученными данными во все европейские спецслужбы.

– Как долго там обрабатывают подобные заявки?

– Неделю, иногда дольше. Мы полагаем, что Питер Бергманн не имел никакого отношения к Ирландии. Скорее всего, этот человек проживал в одной из европейских стран, а здесь оказался проездом.

– Вы сказали, что отель предоставил записи с камер видеонаблюдения, а значит, на них можно увидеть, чем он занимался?

– Питер Бергманн был курильщиком, причем заядлым. Он выкуривал за один выход две или три сигареты, а затем возвращался в номер. По нашим подсчетам, он выкуривал две пачки в день. Но, кроме этого, мы не наблюдали никакой другой активности в отеле, не считая завтраков в лобби. Правда, несколько раз он покидал здание и выходил в город. Здесь есть еще одна странность. Голубой пакет.

– Голубой пакет?

– Да, пластиковый пакет, с которым Питер Бергманн выходил из отеля. Мы получили эти данные с их камер наблюдения.

– В чем же странность?

– Когда он покидал гостиницу, голубой пакет был полон. Вряд ли в нем было что-то тяжелое, но что-то внутри было. Он выходил с этим пакетом несколько раз. Всегда с полным. Но вот возвращался он уже без него.

– Хм, погодите-ка. Он уходил с какими-то вещами, а возвращался уже без них? Обычно человек уходит в город, чтобы купить какие-то продукты или что-то еще, а возвращаясь, несет покупки с собой. Куда же он девал содержимое пакета?

– Как раз сейчас мы отматриваем записи с городских камер видеонаблюдения. Далеко не быстрое дело, и это еще мягко сказано. Нам потребуются недели, чтобы найти этого человека и проследить весь его путь. Специалистам предстоит десятки, а то и сотни часов наблюдения, чтобы узнать, куда и зачем ходил Питер Бергманн и имеет ли голубой пакет отношение к его смерти. Фотография, сделанная вашей матерью на пляже, очень помогла нам. Это его единственное прижизненное фото, которым мы располагаем, и оно очень пригодится в расследовании.

Сьюзан достала из сумочки распечатанную на принтере фотографию.

– Я много раз смотрела на этот снимок. Стараюсь заглянуть в душу этому человеку, но она остается закрытой, как одна из этих книг, – Сьюзан обвела рукой полки. – Питер Бергманн не желает открываться мне. Он прожил долгую жизнь, про таких говорят: волосы, как соль с перцем, – когда седины больше, чем натуральных волос. А если он так долго жил, значит, где-то у него есть дом. Где-то живут его родственники, жена или дети. И он действительно выглядит очень опрятно. И в то же время в нем чувствуется какое-то напряжение, туристы держатся по-другому, вы понимаете, что я имею в виду? Возникает ощущение, что он никак не может расслабиться. Словно его что-то держит изнутри.

– Я понимаю. Несколько свидетелей, постояльцы отеля тоже отмечали, что Питер Бергманн сильно выделялся на фоне остальных. В летнее время в Слайго прибывают в основном серферы, любители водных видов спорта, велогонщики и пловцы. Конечно, есть и туристы, любители пеших маршрутов, но все эти люди имеют определенный внешний облик – спортивная одежда, снаряжение, рюкзаки. Но Питер Бергманн, напротив, отличался тем, что был одет строго, почти официально. Те, кто видел его, решили, что он мог приехать на конференцию, но никак не на отдых.

– Почему Слайго?

– Простите?

– Почему Питер Бергманн приехал в Слайго? Ведь он мог выбрать любой другой ирландский город, Дублин или Корк. Там гораздо больше возможностей для досуга. Для чего нужно было приезжать в город, который славится своими пешими маршрутами, скалами, океанскими волнами – в общем, природой, и не взять с собой даже пары спортивной обуви? Что-то привело его именно сюда, я это чувствую. Что-то, о чем я пока не знаю.

– Вы хотите найти причину?

– Мы не выбираем, где нам умереть, – задумчиво ответила Сьюзан. – Но мы выбираем, где нам *быть*. Питер Бергманн приехал сюда, а затем сел в автобус или пешком прошел семь километров до рыбацкой деревушки, в которой, кроме маленького пляжа и пары устричных ресторанчиков, ничего нет. Да еще и выселился из гостиницы перед этим. Что-то привело его сюда. Слайго был чем-то важен для него.

VIII

Сьюзан вышла из отеля, когда улицы подернулись вечерними огнями, и пошла вдоль Граттан-стрит. Сумерки – время пробуждения духов, если верить кельтской мифологии. С наступлением темноты стираются границы предметов и миров. Так себя чувствовала и Сьюзан – застрявшей между темной бездной внутренних тревог и внешней вселенной, полной бытовых задач, требующих ее физического присутствия, реальных действий. Ей нравилось быть в ночи, жить в ней. Пережить сумерки и остаться живым было сродни бессмертию.

Стеклянные витрины частных магазинчиков полыхали огнями, чтобы привлечь внимание к выпавшим за сезон сарафанам и льняным сорочкам, которые за лето так никому и не приглянулись. В глазах Сьюзан это было похоже на предсмертное цветение. Неукротимое желание урвать свое при жизни, пока холодная и равнодушная рука продавца не убрала тебя прочь, подальше от глаз привередливой публики. Есть растения, которые, при всей полноте ухода и заботы, не дадут при жизни ни одного цветка, а их листья будут вялыми и бледными, будто мертвыми. Но это обманчивое впечатление. Стоит забыть про них – перестать поливать либо поставить в темный и пыльный угол, тогда-то они и взрываются изнутри неукротимой жаждой жизни. Они начинают цвести, выбрасывая в воздух по несколько стрелок с множеством бутончиков зараз. Словно в предсмертной агонии, эти цветы жаждут напоследок показать, на что они способны, остаться в памяти яркими соцветиями, не кануть в вечность.

Почему ее не напугало то, что она отключилась в ночь, когда умер Питер Бергманн? Она и своему психотерапевту об этом сказала лишь спустя время, да и то между прочим. Специалист была встревожена и пожурила Сьюзан за равнодушие к собственному здоровью, а затем стала черкать в своем блокнотике, придя в конце концов к выводу, что это еще один симптом, вполне укладывающийся в ее состояние. Потерянный родитель – ощущение нестабильности – потеря опоры – метафорическая связь, приведшая к потере опоры и в физическом мире: обмороки, дереализация, головные боли, апатия. Сьюзан удавалось думать об этом только лишь как о наборе симптомов. Словно она читала чужую медицинскую карту. Это и есть отрицание?

Она не заметила, как оказалась у дверей музыкального магазинчика The Record Room. Построенное в 1900 году, здание на удивление хорошо сохранилось, не считая того, что ушло со временем под землю как минимум на полметра. Верхние этажи, покрашенные в матово-черный, поддерживались иссохшими деревянными балками. Они прогнулись под грузом лет, и было неясно, то ли дерево держит всю конструкцию, то ли конструкция осторожно громоздится, чтобы не повредить первый этаж.

Сьюзан еще помнила времена, когда пластинки здесь давали напрокат, а иногда владелец мог подарить парочку – за помощь в наведении порядка на полках. В иные дни продавцы выносили ко входу хрипящую колонку, и улица наполнялась незнакомой мелодией, преобразуясь на новый лад. Она могла обрасти платанами, увитыми свисающим мхом, вокруг которых кружил рой божьих коровок, или превращалась в испанскую веранду, где на подносе остывали энсаймадас, или в парижскую подворотню, куда художник без гроша в кармане выносил картину на продажу. Но чаще слышались ирландские мотивы – словно горный клич, мелодичный и бунтующий, они раздвигали границы маленькой улицы, превращая ее в дикий край, чарующий и свободный.

Она всегда любила Слайго. Но только переехав из Россес-Пойнт сюда, в столицу графства, Сьюзан смогла по-настоящему стать частью этого места. Ей нравился и неспешный ритм города, и его живописные виды. Ей ложилось на душу то, как вольно раскинулся Слайго, не теснясь, но и не нарушая границ природы, в близости с которой он возник и разросся. То, как из века в век облик города почти не менялся, и постаревшие узкие улочки бережно хранили историю, нашептывая ее каждому, кто желал слушать. То, как река Гаравог, бегущая из озера

Лох-Гилл, обители острова Иннисфри⁵, словно богатая кислородом артерия, питала жителей Слайго духом ирландских открытий. Здесь находилось место всему, что радовало Сьюзан: умиротворение соседствовало с технологиями, а современность – с верностью традициям. Это место не было похоже ни на что другое... Здесь оживала сама мысль о том, что могут создать люди, когда ничто не отвлекает их от созерцания, от верности природе и самим себе. Переехать сюда было верным решением.

Сьюзан остановилась перед стеклянной витриной, доверху забитой старыми виниловыми пластинками, постерами и, как дань современности, сувенирами всех мастей. Она увидела даже несколько букинистических изданий Йейтса, Голдсмита и Беккета. Да, сейчас выбор стал богаче, но ощущение сокровищницы, волшебной лавки с чудесами, каждое из которых ты можешь взять и принести домой, давно позабыто. Так работает время – тут уж ничего не поделаешь: сначала оно дает тебе способность видеть одно лишь волшебство, а потом постепенно отбирает его у тебя, превращая в обыденность. Теперь это лишь музыкальный магазин, пропахший старым картоном. Хорошо, что в этот вечерний час он был закрыт.

Сьюзан посмотрела на часы. Отсюда до ее дома было минут двадцать пешком, и на какое-то мгновение она пожалела, что не взяла сегодня машину, решив прогуляться. Но тут на смену пришла другая мысль, и, резко остановившись посреди улицы, она бросила взгляд в ту сторону, откуда пришла. Отель уже скрылся из вида, но, если она сейчас развернется и пойдет туда, через десять минут сможет спросить, свободен ли номер, в котором жил Питер Бергманн. Сержант Дэли не помешает ей – он уже ушел из отеля. Они провели несколько часов, обсуждая тонкости дела, в которое оба оказались втянуты, – один по долгу службы, а другая – по нелепой случайности. Да и тот факт, что ее видели в компании полицейского, сыграет на руку. Она лишь надеялась, что комната не занята постояльцами и не опечатана. Даже странно, что сержант сам не предложил ей туда подняться. Тут она поняла, что это было бы чересчур двусмысленное предложение, и смутилась.

Да, именно по этой причине она и хочет сделать это одна – осмотреть место, где провел свои последние дни неизвестный мужчина, прибывший в Слайго. Едва ли она надеялась найти там что-то важное для расследования – специалисты, вероятно, и так перевернули номер вверх дном, снимая отпечатки, образцы ДНК и собирая любые зацепки, способные пролить свет на личность погибшего. Нет, ей не нужны улики. Она не криминалист. Даже если она найдет что-то, это не поможет ей. Но что тогда? Любопытство – да, так сказал сержант. Она хотела просто побыть на том самом месте, где жил Питер Бергманн. Провести ночь на той самой кровати, смотреть в то же самое окно. Возможно, ей придут в голову те же мысли, что приходили ему.

⁵ Иннисфри – небольшой остров, расположенный на озере Лох-Гилл вблизи города Слайго. Недалеко от этих мест поэт У. Б. Йейтс проводил лето в детстве. Вдохновленный этими воспоминаниями, он написал стихотворение «Озерный остров Иннисфри».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.